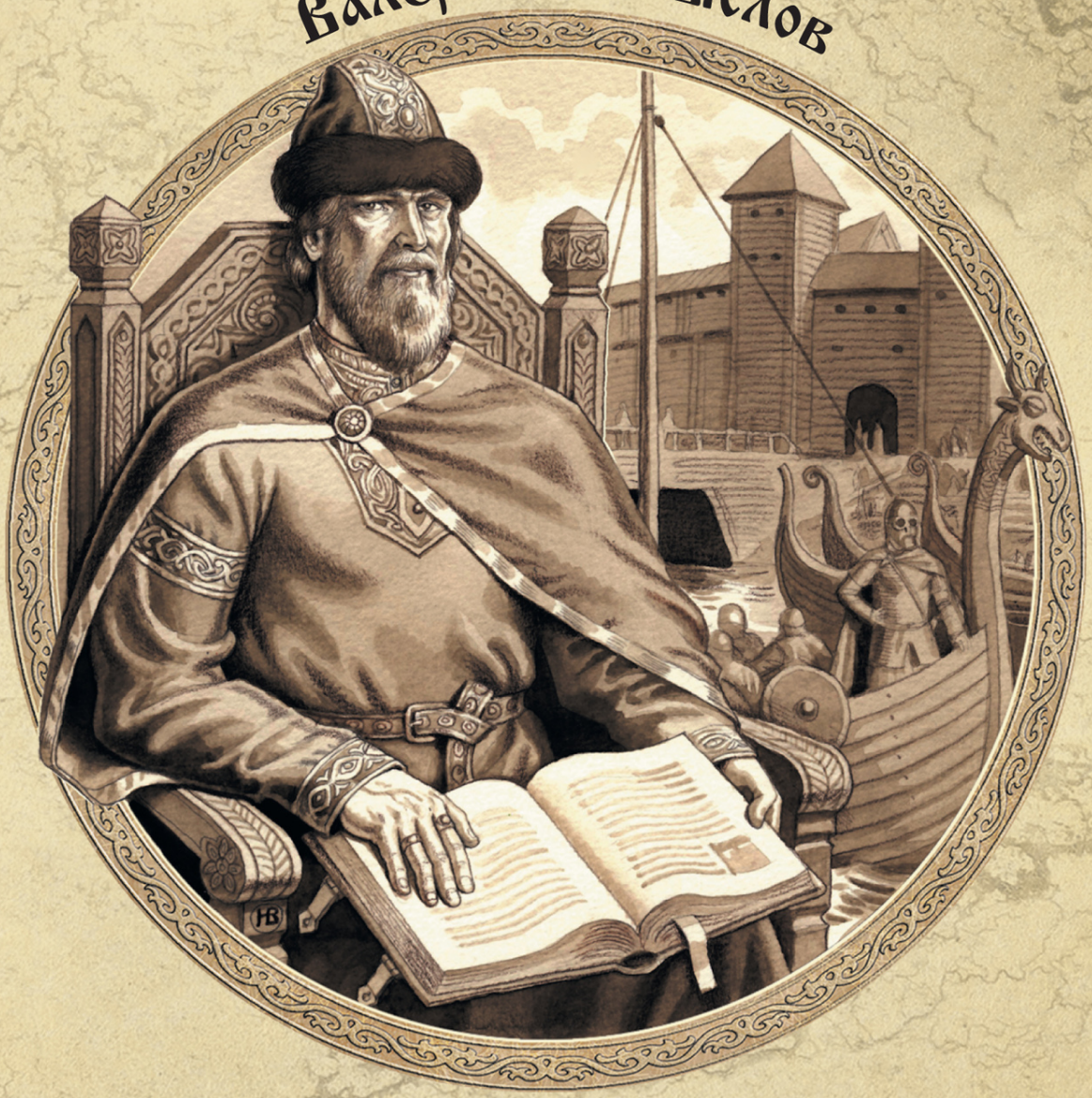
У истоков Руси

Валерий Замыслов



Ярослав Мудрый
великий князь

У истоков Руси

Валерий Замыслов

Ярослав Мудрый. Великий князь

«ВЕЧЕ»

2019

Замыслов В. А.

Ярослав Мудрый. Великий князь / В. А. Замыслов — «ВЕЧЕ», 2019 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-8048-5

Начало XI века. Великий князь Владимир Креститель уже сед, и пора ему думать о том, кому из многочисленных сыновей передать власть в Киеве. Но не даёт покоя князю его приёмный сын, «зол плод» Святополк, который стремится к власти. Есть в этом и вина самого Владимира, потому что не всегда он обходился с сыном хорошо, а теперь Святополк полагает, что киевский престол должен стать платой за все прежние несладкие годы. Святополк упрям в достижении своей цели, и как бы ни стремился Владимир исправить ошибки, тяжкое наследство оставит он своему сыну Ярославу, будущему князю Киевскому. Книга является второй частью исторической дилогии известного писателя-историка Валерия Замыслова.

ISBN 978-5-4484-8048-5

© Замыслов В. А., 2019
© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 17
Глава 4 21
Глава 5 24
Глава 6 26
Глава 7 29
Глава 8 32
Глава 9 39
Глава 10 42
Глава 11 44
Глава 12 46
Глава 13 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Валерий Замыслов
Ярослав Мудрый. Великий князь

Чтобы понять тайну русского народа, его величие, нужно хорошо и глубоко узнать его прошлое, нашу историю, коренные узлы ее, трагические и творческие эпохи, в которых завязывался русский характер.

Алексей Толстой

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

Великий князь

© Замыслов В.А., наследники, 2019
© ООО «Издательство «Вече», 2019
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019
Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Глава 1
Думы Владимира Крестителя

Из Великого Новгорода прибыл гонец с черной вестью: преставился князь Вышеслав.

Для Владимира Крестителя сие известие не стало неожиданностью: все последние годы старший сын пребывал в тяжелом недуге. Великий князь не ударился в слезы, но о смерти Вышеслава опечалился. Тот, не в пример Ярославу, Мстиславу и Святополку, сидел в Новгороде тихо, с гордыми новгородцами не ссорился, исправно присылал дань. Нравом был смирен и сговорчив, во всем слушался отца. Жаль такого покладистого сына, но ничего не поделаешь: от смерти не откупишься и не спрячешься. Ныне пришел черед Ярославу в Новгороде быть.

Ярослав!.. 22 года он просидел на Ростовском столе и давно уже стал зрелым мужем. Как давно великий князь не видел своего сына, коего считал самым умным и сильнейшим из князей удельных… Он многое, очень многое сотворил, этот непокорный и дерзкий сын!

Чего стоит возрождение Ростова и Суздаля? Ныне эти зело окрепшие княжества некоторые летописцы стали именовать Ростово-Суздальской Русью, надежным оплотом Северо-Восточной Русской державы.

А волжский град Ярославль, кой только что основал ростовский князь в диком Медвежьем углу? Зело велико значение этого города, кой станет цитаделью на крутом волжском мысу. Даже булгары забеспокоились. Веками считали себя хозяевами на Волге, Оке и Каме, а ныне узрят мощную крепость едва ли не перед носом. Не сунешься! Ай да Ярослав! А ведь как умненько всё провернул… Допрежь корабли построил, дружину, почитай, удесятерил, мирный договор с булгарами заключил, мятежное племя покорил, а затем и за *Рубленый город* принялся. Такое лишь толковому и здравому мужу под силу.

А торговлю как всколыхнул! Купцы с Днепра в Ростов и Суздаль кинулись. Да и не только свои, даже иноземные торговые люди. Ныне Волгу бороздит чуть ли не вся Европа. Булгарский царь Курбат, связанный договором, никого не трогает, пропускает корабли в Хвалынское море.

Громадные усилия понадобились Ярославу, дабы проложить дороги к Смоленску, Новгороду и Суздалю. Оторвать мужиков из насиженных мест и отправить их за сотни верст к далеким городам! По дебрям, болотам и урочищам! Уму непостижимо. Но Ярослав сумел уломать смердов и навел-таки торговые пути. По новым дорогам не только купцы тронулись, но и многие мелкие чины, коим на юге земли не хватало. У Ярослава же земли немереные. На них и смерды ринулись. И ничего не поделаешь. Смерды – людишки малые, но вольные. Коль дань сполна отдал, его в железа не закуешь. Хоть ты и князь, но нет такого права. Вот и потащились смерды и бродники в самую глухомань, где и жизнь покойная, и землицы вдоволь.

А Ярославу лишний прибыток, дань-то его чуть ли не вдвое возросла. Он ныне едва ли не самый богатый князь. Калиту набивает и с дани, и с торговых пошлин, и с судных дел, и с торжищ, открытых на погостах, и с личных сел, и с податей со всех ростовских людей. Десятая часть доходов – хлеба, мяса, меда, воска, сушеной и соленой рыбы (озеро богатейшее, да и рек не перечесть!), льняной пряжи и кудели, дорогостоящей мягкой пушнины – стекается в обширные княжеские клети. Разбогател, зело разбогател Ярослав! Не зря начал Ростов, Суздаль и Ярославль новыми храмами и монастырями украшать, чего, кажись, совсем недавно и в помине не было. Куда ни кинь глаз – и всему зачинатель.

Крепкий, ухватливый хозяин! Не стыдно такому Великий Новгород доверить. Он изрядно укрепил и приумножил державу. Ныне Русь превосходит своей обширностью едва ли

не все европейские государства. Завоевания Олега, Святослава и его князя Владимира распространили ее владения от Новгорода и Киева к западу до Двины, Буга и гор Карпатских, а к югу – до порогов Днепровских и Киммерийского Босфора; к северу и востоку примыкала она к финским и чудским народам, а также к мордве и булгарам. К последним народам рубежи державы приблизил Ярослав.

Владимир Святославич гордился сыном, и в то же время его постоянно угнетала тревожная мысль. Ярослав честолюбив. Если в отроческие годы его уважали за усердие к книгам, то ныне – за умение вести государственные дела. Ни один из сыновей не был так способен. Он же, Владимир Святославич, за последние годы заметно сдал: и походами больше не увлекался, и здоровьем ослаб. Многие князья и бояре сие почувствовали (черные вороны!) и готовы встать под руку того же Ярослава.

Конечно, не все. Мстислав Тмутороканский[1] и «зол плод» Святополк Туровский спят и видят себя великими князьями. Особенно Святополк, коего он, Владимир, все-таки усыновил, чуя за собой великий грех. Конечно же «зол плод» никогда не простит великого князя и постарается ему отомстить. Он стал старшим сыном после смерти Изяслава Полоцкого, кой умер еще в 1001 году, и Вышеслава Новгородского, и коль великий князь его усыновил, ему и отдавать стол второго города Руси.

Но он, Владимир Святославич, того не сделает. Не бывать Святополку ни в Новгороде, ни великим князем. Киевский престол займет совсем другой избранник, о коем пока еще мало кто и ведает. То – великая тайна Владимира. (Однако не знал он, что тайна его и супруги Анны стала уже просачиваться из дворца.)

Святополк же зело повинен. Совсем недавно он, не попросив благословения великого князя, женился на дочери польского короля Болеслава Храброго и ныне ведет с тестем какие-то тайные переговоры.

Болеслав же давно зарится на Русские земли. Любопытно, что привезут из королевского двора и Турова тайные доглядчики Владимира. Но, что бы они ни поведали, Святополку в Новгороде не сидеть, а то, глядишь, тот и на Киев замахнется. Неужели что пронюхал о его скрытном завещании?

Великий князь всегда опасался соперников. Не случайно посадил он старшего сына от Рогнеды, Изяслава, в Полоцк, понеже город сей был провозглашен самостоятельным. А коль такое дело, то князь полоцкий теряет право сесть на отцов стол в Киеве.

Сын Мстислав… Он не был великим книжником, как Ярослав, но рос дерзким и самонадеянным и уже в одиннадцать лет, играя в «сечу» с челядью, обронил:

– Все вы будете моими холопами. Я же стану великим киевским князем!

Другой бы отец не обратил внимания на тщеславные слова отрока, но Владимир Святославич их без последствий не оставил. Мстислав чересчур властолюбив, и его надо куда-то отослать подальше от стольного Киева. Долго ломал голову и наконец позвал к себе сына и сказал:

– В лета входишь, Мстислав. Богатырем растешь. Пора давать тебе княжение.

Мстислав и в самом деле наливался богатырской силой. По лицу его пробежала довольная улыбка. Скоро, совсем скоро он станет не княжичем, а князем какой-то волости. Князем!

– С превеликой охотой, тятенька!

– Как самому храброму сыну выпала тебе большая честь, Мстислав. Княжить станешь в Тмуторокани, у Сурожского моря[2]. Не заробеешь сидеть близ печенега?

Владимир, дабы сын не успел изумиться его волей, нарочито налегал на его разудалый нрав.

---

[1] Тмуторокань – древнерусский город X – XII вв. на Таманском полуострове. Тмутороканское княжество в результате борьбы с половцами и Византией прекратило существование в начале XII в.

[2] Сурожскоеморе – Азовское.

– Коль дружину дашь, никакой степняк мне не страшен, тятенька.

– Умница. Добрую дружину выделю, тебя своим лучшим мечом одарю…

Владимир скорехонько, не дав сыну опомниться, задвинул его в Тмуторокань. И только там повзрослевший Мстислав осознал, чем «наградил» его «родный тятенька»…

Затем наступил черед Ярослава… И вот ныне «сильнейший из сильнейших» должен оказаться в Новгороде. Ростов Великий князь передаст своему любимцу Борису, изредка сидевшему в Муроме, а в Муром посадит младшего Глеба.

Завтра Владимир Святославич отправит гонцов к Ярославу. Любопытно, как он отнесется к решению отца. Править Великим Новгородом – большая честь, и Ярослав, конечно же, не замешкает с отбытием. Но Новгород для любого князя не подарок. Такого своенравного, вольного и буйного города нет на Руси. Всеми делами управляет вече да боярин Константин Добрынич. Князь Вышеслав был всего лишь игрушкой в их руках. И Ярославу не быть в Новгороде соколом, его честолюбивые крылья вмиг отсекут, а коль заартачится, Константин поднимет новгородцев на вече – и вылетит с треском Ярослав из города, если не попросит у Господина Великого Новгорода прощения. Но новгородцы словам не верят, им договор подавай, да такой примут, что Ярославу боле и рта не раскрыть. Вдругорядь не закобенится, тогда и вовсе под новгородский жернов угодит. Вот и станет сидеть смирнехонько, как волк под рогатиной. Тут уж о Киеве и помышлять забудет. Вот то и ладненько. У великого князя не разгуляешься. Поглядывай в рот тятеньке да жди его мудрых указаний.

Первым-наперво надо Ярослава оженить, нечего ему до сих пор в холостяках разгуливать. В зрелые лета вошел, а в храме под венцом еще не стоял.

Правда, когда-то помышлял на дочери смерда жениться, да Бог от сего малоумного поступка отвел. Бог и Колыван. Доброе дело боярин сотворил…

А девка все-таки и лицом, и телесами была прелестна. Сроду такой красы не видывал. Смачная! Выскользнула-таки из его рук, а Ярослав подобрал, утер нос отцу. Как тут на сына было не разгневаться? Бог наказал нечестивца. Так ему и надо. Пусть ведает, как рабыню великого князя уводить, коя жила в подвластном ему селище.

Долго серчал Владимир Святославич на сына. Слава Богу, что Колыван оказался молодцом. Так всё хитро обделал, что у Ярослава, поди, никакого сомнения не осталось. Девка сама себя жизни норовила лишить, то многие дворовые люди слышали. Сама на пузырек с зельем показывала.

На Колывана не должно быть подозренья. А то, что к великому князю ушел, его воля. Любой дружинник, как исстари повелось, может перекинуться к другому князю, тем паче что Ярослав отшил своего дядьку от опекунства. Колыван оскорбился и ушел. Ныне в дворских служит, приближен, обласкан, в почете старость доживает да потихоньку грехи замаливает.

«Сотник Горчак где-то в лесу затерялся, никак со зверьем столкнулся». Лукавит Додон Елизарыч. Ну, да невелика потеря, лишь бы всё шито-крыто было.

Но иногда к Владимиру Святославичу приходила недобрая мысль: «А что как Ярослав обо всем догадался? Умишком его Бог не обидел. Додон, мол, не мог без приказа великого князя такое злодейство осуществить. Что тогда?»

Но он тотчас гнал от себя эту думу. Нет и нет! Колыван не оставил после себя никаких следов. И нечего забивать голову дурными мыслями. Надо покойно поджидать Ярослава в Киеве. Он встретит сына с радушием, как князя новгородского. Сколь лет не виделись!

Глава 2
Господин Великий Новгород

Неожиданной для ростовского князя была грамота отца. Ему, Ярославу, велено отбыть на княжение в Новгород вместо умершего брата Вышеслава.

Стоял конец октября 1010 года. Гонец нашел князя в Ярославле, где третий месяц *рубился* новый град. Ростовцы возводили крепость, ставили храм Илье-пророку, закладывали детинец… Звон и стук топоров оглашал Медвежий угол. Дел – хоть пруд пруди.

Ярослав, забыв о Ростове, дневал и ночевал в строящемся граде. Жил в наскоро срубленной избе, в доранье поднимался, наскоро молился перед кивотом, наскоро снедал и спешил к дровосекам. Надо всё оглядеть, дотошно проверить, подстегнуть работных людей, кои и без понукания усердствовали на совесть.

– Крепость на века ставим, ребятушки, – говаривал плотникам Ярослав. – Постарайтесь. Зодчих и розмыслов слушайте. Радение ваше не забуду, никого не обижу.

– Да ты не сумлевайся, княже, – степенно отвечал глава артели плотников Маркел. – Изрядно изладим.

Ярослав обходил постройки, и сердце его радовалось. С каждым днем поднимается на крутом мысу новый град. Через год-другой появятся здесь и новые храмы, и терема, и целые улицы с избами для ремесленного люда, и зашумит торговая площадь. И будет стоять первый русский град на Волге во славу Отечества.

В приподнятом расположении духа пребывал Ярослав. Помышлял остаться в Рубленом городе и в зиму (на полюдье хотел боярина Озарку отправить), и вдруг – грамота из Киева. Вельми огорчился смертью брата. Так больше с ним и не повидался. Долго же он пребывал в Ростовском княжестве!

А вот к решению отца Ярослав отнесся без отрады. У него было много задумок на будущее Ростово-Суздальской Руси. Ныне всё ломается. От приказа великого князя не отмахнешься, как от назойливой мухи. Он – правитель державы, и ему видней, кому сидеть на хлопотном новгородском столе. Надлежит собираться в дальнюю дорогу. Водный путь отпадает. Вот-вот зазимок нагрянет, реки льдом скует. Придется добираться до Новгорода на санях, благо лесная дорога появилась, добираться… без дружины. Великий князь в своей грамоте указал оставить воинов для оберега северо-восточного сумежья[3]. Ярославу же велено ехать с двумя десятками воев, поелику Новгород имеет свою сильную дружину.

К «тятеньке», усмехнулся Ярослав, не придерешься, всё-то, кажись, им до пустячков продумано, но, будь у него к сыну доброе отношение, он бы оставил при нем всю его дружину, ибо сын ее и создавал, и крепко роднится с ней. Воинов же умершего брата Вышеслава можно бы передать в другие руки. Но у Владимира Святославича свой взгляд. Он-то отменно ведает, как нелегко будет Ярославу среди непослушной новгородской дружины. (О буйных «княжьих мужах» с реки Волхов Ярослав Владимирович давно был наслышан.)

Эх, великий князь, великий князь! Худо, что ты, Владимир Креститель, до сих пор мстишь своему сыну.

* * *

Прощальный пир в Ростове не был шумным и развеселым. Дружина и городская «тысяча» под началом Будана тяжело расставались с Ярославом Владимировичем.

---

[3] С у м е ж ь е – древнее название границы.

Приказ великого князя осуждали, но Ярослав, хоть нелегко было на его сердце, высказал:

– Я отменно вас понимаю, други мои, но повеленье Владимира Святославича не подлежит пересудам. Истина на его стороне. Ни одно войско Киевской Руси не знакомо с ситуациями жизни сурового севера. Только вы можете быть полновесной защитой от северо-восточных врагов. Я зело крепко надеюсь на вас, други, и всегда буду вас помнить. Бог милостив, и Он, как мне думается, еще сведет нас.

– И на кого ж нас киевский князь оставляет, Ярослав Владимирович? – спросил дружинник Васюк.

– На младшего брата моего, Бориса, что прибудет в Ростов из Мурома. Дружина у него совсем малая, и сотни не будет. Князь же он славный и душевный, мухи не обидит. Ссориться с вами не станет. Примите его с добрым сердцем и будьте ему надежными советчиками…

Новый град князь оставил на боярина Бренка, а с собой взял Озарку, Могуту и неизменного меченошу Заботку. Среди дружинников оказался и десятник Васюк.

Еще за неделю до отъезда к князю пришел купец Силуян.

– Когда-то, князь Ярослав Владимирыч, ты меня пригласил в Ростов. Привык я к тебе за эти годы, а посему ныне челом бью – возьми меня с собой в Новгород. Я ведь там пять лет обивался, град сей, как свои пять пальцев, ведаю. Пригожусь, князь!

– Да ты ж человек вольный, Силуян Егорыч. Можешь и без просьбы в Новгород уехать.

– Уехать бы можно, но там своих купцов, как в черной избе тараканов. В порошок сотрут чужака-соперника. А коль я стану княжьим торговым человеком, меня не тронут. Глядишь, помогу тебе с новгородскими купцами мосты навести, а купцы там громадный вес имеют. Возьми, князь!

– Убедил, Силуян Егорыч. Возьму с превеликой охотой.

В начале декабря 1010 года князь Ярослав подъехал к Великому Новгороду. Крикнул кучеру, восседающему в бараньем полушубке верхом на кореннике:

– Остановись!

Ярослав вышел из возка и зоркими глазами глянул на город. Как же изменился Новгород за четверть века! Когда-то он был здесь совсем мальчонкой, куда его привез к отцу Добрыня Никитич. Город был не так уж и велик, чуть побольше Ростова, в кой он прибыл на княжество в 988 году. Оба города почти ровесники. Летописец отметил возникновение Новгорода в 859 году, а Ростова – через три года.

Сам Новгород вырастал исподволь. Поначалу несколько мелких сельских поселений слились в три более крупных поселка, затем три древнейших конца сплотились вокруг общих языческого капища, могильника и места вечевых собраний и возвели Детинец.

Ныне Новгорода не узнать. Заметно раздался, засверкал золочеными крестами новых храмов; радовали глаз десятки высоких боярских теремов, нарядно изукрашенных причудливыми зверьками и резными петухами.

Владения Новгорода с его городами и пригородами, селами и деревнями, как уже ведал Ярослав, были обширными. Но земля Новгородская была малоплодородная – болотистая и глинистая, местами сплошь заросшая непроходимыми лесами. Зато без числа водилось в этих лесах всякого пушного зверя. Охотой на зверя, торговлей дорогими пушными мехами и занимались больше всего новгородцы.

Сам Новгород расчленяла на две части река Волхов, сейчас закованная голубоватым льдом, вытекающая из озера Ильмень.

Город делился на три конца. На правой стороне находились Славенский конец, большая Торговая и Вечевая площади, на левой – Детинец (кремль) с дубовым храмом Святой Софии, возведенным в 989 году[4], Неревский и Людин концы[5].

---

[4] Дубовый храм простоял в Новгороде 60 лет. В 1050 г. на его месте был возведен Ярославом Мудрым каменный собор.

Торговая сторона и Софийская связывались Великим мостом, о коем была наслышана едва ли не вся Русь. Место шумное, буйное и даже жуткое.

Маленький Ярослав хорошо помнит, как после одного веча, происходившего на площади подле Софии, отец вбежал в терем и приказал своему пестуну Добрыне:

– Запирай ворота! Спускай с цепей собак! Ну что за народ!

А в городе творилось что-то невообразимое. Новгородцы, недовольные решением веча, подняли такой неистовый гвалт, что его хорошо было слышно через цветные стеклянные оконца хором.

– Не желаем боле пускать немецких купцов!

– Весь торг заполонили!

– Бей славенских!

– Это еще поглядим. Бей неревских!..

Столкнулись на Великом мосту – и загуляло несусветное побоище! Бились люто, как будто с печенегами сошлись. Кровенили носы, выдирали бороды, разрывали рубахи и кафтаны, скидывали с высокого моста в глубокие воды Волхова. Некоторые, сильно избитые, искалеченные, уже не выплывали. Почитай, после каждого бурливого веча погибали в реке по несколько человек.

Новгородское вече! Его не сравнишь с другим городским сонмищем. И в Киеве, и в Смоленске, и в Ростове князья чувствуют себя куда уверенней, ведая, что вече крайне редко может пригрозить князю или совсем выдворить его. В Новгороде же совсем по-другому.

Здесь никогда не ведаешь – князь ты или не князь. Князю, кажись бы, принадлежит право суда, но не тут-то было. Никакой самостоятельности! Пока не заявится от веча посланец-дозиратель, и к суду не приступишь, и судебную пошлину целиком не отхватишь: добрую половину отдай новгородцам.

А дань? Она князю как воздух надобна: для прокорма своего содержания, дружины, дворовых людей, для выплаты великому киевскому князю. Но не молвишь Господину Великому Новгороду: «На полюдье отбываю. Ждите!» Тут же тебе палки в колеса. «Мы, новгородцы, и сами с усами. Дань через нас обретешь».

А пригороды? Сидят там, допустим, бездеятельные посадники, а князь их и подстегнуть не может, ибо посадников ставит Новгород. Ничего-то не может князь без согласия веча – ни войну огласить, ни рать собрать, ни земельные угодья закупить. Ломай шапку перед новгородцами, а они так начнут выкобениваться, что и сам будешь не рад. Уж лучше бы и не унижаться.

В любом городе при князе есть свои торговые люди, коих он волен направить в любые земли. В Новгороде же – не смей! Веди торговлю лишь через новгородцев, про своих же купцов забудь.

Всем управлял посадник. Он – царь и Бог Господина Великого Новгорода. Ныне, как уже известно было Ярославу, на вече посадником был избран сын покойного Добрыни Никитича, Константин.

Новгородские купцы, побывавшие в Ростове Великом, рассказывали:

– Не в батюшку пошел. Тот-то был и тверд, нравом веселым. Константин же зело спесив, жаден и хитер, как лиса. Он быстрехонько князя Вышеслава под себя подмял.

Ярослав всё стоял подле возка и думал: «Спасибо за награду, великий князь. Будет тягостно, будет борьба, но сломить меня не просто. Не видать тебе, Владимир Святославич, князя Ярослава побитой собакой. Не видать!»

«Умереть за Святую Софию» означало защитить родной город.

[5] Два других конца – Загородский и Плотницкий – возникли позже, в XII – XIII вв.

Дружинники поглядывали то на Новгород, то на князя. Лицо Ярослава напряженное, как перед решающим броском. Знать, не шибко-то и рад он встрече со вторым, после Киева, градом Руси.

Наконец Ярослав вновь уселся в крытый зимний возок, и поезд двинулся к Новгороду.

* * *

На лице Константина застыла льстивая, расплывчатая улыбка.

– Господь всемогущий! Сам Ярослав Владимирыч! А мы всё поджидаем. Ты бы упредил меня, гонца послал.

Посадник – такой же высокий, как отец, дюжий, крутоплечий, а вот глаза совсем иные – наглые, холодные и прощупывающие.

– Не к чему город будоражить.

– Напрасно, Ярослав Владимирыч. Я бы знатных людей позвал, тысяцкого, кончанских старост, попов с хоругвями, – покачал головой Константин, а Ярослав подметил: вдругорядь князем не назвал. Случайно или с умыслом?

– Успею с каждым повстречаться, посадник. А ныне познакомься с моими содругами. То – бояре, старшие дружинники: Могута, Озарка и Забота. (Перед поездкой в Новгород князь наделил боярским чином своего неизменного меченошу, кой 22 года был его телохранителем. В меченоши же произвел молодого гридня Славутку, к коему приглядывался пару лет.)

– Рад повитаться[6] с дорогими гостями.

Встреча совершалась в Детинце, тереме покойного Вышеслава.

Ярослав, проехав Великий мост, сразу же, под пытливыми взглядами уличан, не извещенных о прибытии нового князя, миновав Владычный двор, подкатил к хоромам брата, где его и увидел посадник Константин.

– Когда пир зачинать, Ярослав Владимирыч?

– Дня через три, посадник.

– Не поздно ли? Я же, мыслю, завтра пиру быть? Я распоряжусь.

«С умыслом. Видимо, он и Вышеслава князем не величал. Хочет сразу взять быка за рога».

– Вижу, ты, посадник, туговат на ухо. Через три дня! Таков мой приказ.

– Но… Господин Великий Новгород может и обиду затаить. Обида же Новгорода, – ухмыльнулся посадник, – может дорого для тебя стоить.

– Никаких но. Князю лучше ведать, когда знати бражничать, – резко произнес Ярослав и сурово добавил: – Это во-первых. А во-вторых, запомни, посадник: перед тобой – повелитель громадного княжества, и будь любезен называть меня князем. Другого обращения я не потерплю.

Глаза Константина стали до такой степени холодными и враждебными, что Ярослав подумал: «Вот оно – истинное лицо посадника. Он явно зол и ошеломлен. Но по-иному с ним нельзя. Надо сбить с него спесь при узловой же встрече, иначе будет поздно. Таким людям, как он, давать волю заказано».

– Добро, князь, – с кислой миной выдавил из себя посадник, хотя в его душе бушевал огонь.

– Вот так-то лучше, Константин Добрынич… А ныне оставим моих бояр и перейдем в опочивальню. Намерен потолковать с глазу на глаз.

---

[6] П о в и т а т ь с я – в данном случае: пожать руку или обнять за плечо.

Могута проводил князя удовлетворенными глазами. Молодец, Ярослав Владимирович! Хватко посадника поставил на своё место. Тот аж позеленел и, думается, затаил на князя злобу. Ох, еще и нагорюется с этим посадником князь!

В опочивальне Ярослав уселся в пустовавшее кресло брата и указал рукой Константину на лавку, хотя в покоях находилось еще одно кресло, видимо предназначенное для посадника.

На самом деле так и было. Ранее Константин заходил к Вышеславу, как в свои хоромы, и, не дожидаясь, пока усядется князь, первым разваливался на почетном для высоких гостей кресле. Ныне же он оказался на лавке, как какой-нибудь приглашенный купчишка.

«Привыкай, привыкай, посадник. Ты всего лишь ставленник города, можно сказать, староста, я же властитель, присланный великим князем всея Руси. И властвовать Господином Великим Новгородом не тебе, а мне».

Честолюбие не покидало Ярослава, но он твердо уложил, что пресмыкаться перед посадником, как это делал брат, ни в жизнь не будет. Не для того он в Новгород назначен, дабы быть подручником бояр и Константина.

Посадник сидел букой, такого сорома он не ожидал. Но это тебе не сойдет с рук, Ярослав, зло думал он. Здесь тебе не послушный Ростов, а вольный Новгород, в коем на первом же вече тебе дадут по шапке.

– Ну, будет супиться, Константин Добрынич, – миролюбиво заговорил Ярослав. – Ссора никогда к добру не приводит. Нам надлежит в одной упряжке быть, как коренник с пристяжным. Помысли на досуге.

Покои были едва натоплены, а посаднику вдруг стало жарко. Ярослав хочет видеть его своим доброхотом. Ишь, чего удумал!

Константин расстегнул золоченые пуговицы и слегка распахнул лазоревый кафтан, но капли пота со лба продолжали скользить по упругим щекам, скрываясь в густой, не тронутой еще сединой русой бороде.

– О чем мыслишь потолковать, князь? О делах новгородских?

– О киевских, Константин Добрынич. Ты, как мне сказывали, всякий год в Киеве бываешь.

Посадник пожал широкими плечами. Слова Ярослава его немало удивили: только что в Новгород приехал, а до Новгорода ему и дела нет. Киевские новости ему подавай.

– О чем хочешь изведать, князь?

– Не знаю, правда или нет, но до меня дошла весть, что моего брата Святополка великий князь в темницу заключил.

– И поделом ему! – почему-то в сердцах воскликнул Константин. – Брат твой помышлял ляхов на Русь напустить.

– Ляхов на Русь?! Изреки подробней, Константин Добрынич.

Посадник изрекал неохотно и хмуро, а в конце же сказал:

– То дело великого князя. Ему видней.

Константин что-то недоговаривал, недоговаривал что-то весьма важное, и это чувствовалось по его лицу.

Отпустив посадника, Ярослав надолго ушел в думы.

Нет, Константин, то дело не только великого князя. Русь на грани войны. Король Болеслав не простит Владимира и в нужный момент пойдет на Киев. А виной всему – и великий князь, и Святополк. (Ярослав даже в мыслях не называл Владимира Святославича отцом.) Святополк не напрасно гневался на Крестителя. Тот убил его отца и обесчестил беременную мать. Как тут не обозлиться Святополку? Казалось бы, Креститель приютил малолетку и даже усыновил его, но затем… сделал заложником половцев, где старший сын пребывал едва ли не пять лет. Можно представить, о чем передумал Святополк за эти годы.

Великий князь, в конце концов, вернул заложника в Киев и немедля отослал в небогатое Туровское княжество с неисчислимыми болотами и скудной землей.

Ярослав лишь позднее изведал, что польский король Болеслав, женатый на одной из дочерей Владимира Святославича, чутко следил за всеми событиями, творящимися на Руси. Прознав об обидах Святополка, нанесенных великим князем, он разработал четкий и взвешенный план действий, устремленный на дальние цели против Руси.

Болеслав приглашал к себе Святополка и показал ему свою младшую дочь от последней жены Эмнильды.

Шестнадцатилетняя красавица Регелинда произвела на Святополка самое благоприятное впечатление.

– Готов ли ты жениться на моей дочери? – спросил Болеслав.

– Я буду тебе, ваше величество, преданным рабом, если позволишь породниться с твоим семейством.

– Я пришлю к тебе Регелинду, – благосклонно произнес король, – но ты должен написать мне некоторое поручительство.

– Я готов, ваше величество.

В Туров прибыла не только невеста, но и ее духовник, католический епископ Рейнберн.

Свадьба состоялась тайно, без уведомления великого князя. Не терял времени и епископ, кой принялся обращать туровцев в латинскую веру.

Владимир Святославич был взбешен и стал собирать дружины, дабы пойти войной и на Святополка, и на ляхов, но его отговорил воевода Вышата, человек умудренный, искушенный в сечах:

– Болеслав ныне влиятельный король. У него большое войско. Война может надолго затянуться. А вот Святополка надо наказать изворотом.

– Как?

– Пошли гонцов в Туров с твоим благословением на брак Святополка и пригласи молодых погостить в Киеве.

– Но тот может не поверить.

– Поверит, коль к нему послать дворского Колывана и влиятельных попов с иконами, хоругвями и крестами.

Великий князь поразмыслил, поразмыслил и согласился. Предложение Вышаты удалось. Через три недели к Киеву тронулись не только молодые, но и епископ Рейнберн, кой мечтал изрядно потрудиться в пользу римского папы.

Но едва Святополк, его жена и епископ добрались до Вышгорода, как немедля были схвачены дружинниками великого князя и брошены в темницы.

– Каждому по порубу, – приказал Креститель. – Пусть околевают по отдельности.

В тот же день Владимир Святославич направил в Польшу высокое посольство, вожделея уладить дело со своим зятем Болеславом.

* * *

На Руси бытовал обычай: каждый князь, прибывая в назначенный ему город, давал «въездной» пир для бояр, купцов и «добрых» ремесленников. В Новгороде же на княжеский пир были приглашены и отцы церкви, и кончанские старосты, и тысяцкие (каждый конец поставлял на войну тысячу ратников), и уличанские сотники, и гости заморские.

Ярослав не поскупился: столы ломились от яств и питий: не зря он, руша традицию, перенес торжество, потребовав для его подготовки целых три дня. Пировать так пировать!

Новгородцы хоть и были недовольны переносом празднования, но, когда глянули на щедрые столы, ворчать перестали. Пили, ели и дотошно разглядывали нового князя. Далеко не

Вышеслав! Крепок здоровьем, немногословен, глазами властен. Такого нелегко будет приручить. Но никуда не денется: Господин Великий Новгород любого князя обломает.

Пытливо посматривал на гостей и Ярослав. Все, начиная от посадника до ремесленника, держатся без лести, с достоинством, хвалебных речей не изрекают, да и пьют в меру, словно чего-то выжидают. Даже владыка Иоаким, кой только и всего-то благословил князя и трапезу, помалкивает. А ведь как уже довелось изведать, Новгородский епископ зело речист, на других пирах так глаголет, что удержу нет. Ярый приверженец грека-митрополита Феопемта, что сидит в Киеве, ретиво выполняет все его указания, заполонив храмы иноземными священнослужителями. Даже дьячков и пономарей старается поставить из греков. Зело усердствует владыка.

Не подрезать ли ему крылья? Новгороду потребен русский епископ. Чем меньше чужеземцев окажется в храмах, тем крепче станет христианская Русь. Ведь, как ни говори, чтобы добраться до глубин русской души, надобна чистая, безупречная русская проповедь, а греки, с трудом осилив далеко не простой, чужой язык, путаются в богослужебных, нравоучительных речах, затрудняя и без того религиозные наставления. Где уж таким проповедникам проникнуть в душу русича?!

Менять, менять надо греков. Но дело сие зело сложное. Как-то еще поведут себя новгородцы, а уж про великого князя и говорить не приходится. Тот надежный друг Византии. Митрополита, присланного в Киев из Константинополя, высоко чтит. Опять предстоит тяжкая борьба.

Вечор близился. Князь обладал правом уйти с пира, а гости могли оставаться не только до утра, но и пировать всю неделю; упившись, ночевали прямо в гриднице, а то и под столами. В подобном случае князь должен выходить к загулявшимся бражникам всякое утро.

Перед уходом в опочивальню Ярослав обязан был сказать прощальное слово. И он, поднявшись из кресла с наполненным кубком, молвил:

– Благодарен вам, господа честные новгородцы, что приспели ко мне на пир. Всегда рад с вами пообщаться. О делах же будем изъясняться на трезвую голову. Да быть вам во здравии!

– И тебе быть во здравии, князь! – следуя обычаю, прокричали бражники и вслед за Ярославом осушили рога, чары и кубки.

До опочивальни князя должен проводить посадник. Константину не так уж и хотелось выбираться из-за стола, но вылезать надо: нельзя старину рушить. Встал и молча проводил Ярослава до самой двери.

После пира князь поехал по ремесленным улицам и слободам. Его подивило, что весь Новгород сплошь, включая дворы, замощен дубовыми плахами и пригнаны они так плотно, что конское копыто в расщелину не попадет, мелкая монетка не проскочит.

– Похвально, новгородцы, – одобрительно молвил Ярослав.

Мастеровой люд, увидев перед собой князя, диву дивился: Вышеслав долго сидел в Новгороде, но никогда не посещал трудников. Этот же полез в дымные, чадные кузни. Глазасто рассматривал изделия, расспрашивал: велики ли бывают заказы, много ли остается изделий на торги, не обременяют ли пошлины…

Набегали старосты, сотские и десятские, норовили оттереть князя от мастеров, пытаясь сами отвечать на все вопросы, но Ярослав приказал им помалкивать.

Трудники же, настороженно поглядывая на начальных людей, отвечали скупо, а то и вовсе держали рот на замке.

Уверившись, что от мастеровых людей ничего толком не добьешься, Ярослав строго повелел:

– Дружинники! Дабы мне не чинили помехи, прошу никого к мастерам не пропускать. Мне надо с умельцами без сторонних поговорить.

После этого мастера были откровенны. Особливо напирали на высокие пошлины, именуя их обременительными.

Добрую неделю обходил Ярослав ремесленный люд, а затем собрал в тереме Вышеслава всю городскую знать.

– Работные люди в большой обиде, господа честные новгородцы. Не чересчур ли большую плату собираете с мастеров?

– Лишку не берем, князь. Пошлины идут в дань, а она висит на Новгороде тяжким грузом. Каждый год мы собираем по три тысячи гривен серебра. Две – отсылаем в Киев великому князю, остатную тыщу передаем на прокорм дружине, – откликнулся посадник Константин.

– Немалую калиту в Киев отваливаете.

– По договору, князь. Вот уж десятый год из кожи вон лезем.

– Кто такой договор учинил?

– Отец мой, Добрыня Никитич. Сумел он и вече уломать. Так что пусть мастера не жалуются.

– Надо жаловаться! Такую дань ни один город не платит. Договор и пересматривать можно. Всё от вас зависит, господа новгородцы.

– Всё, да не всё. Ты допрежь с великим князем поговори. Он язык-то разом укоротит. Не так ли, бояре и тысяцкие?

Посадник промолвил с усмешкой и даже грубо, питая надежду на подмогу знатных людей города.

– Вестимо, Константин Добрынич, – закивали бородами бояре. – Порушить договор – пойти войной на великого князя. Потерпим.

– Терпя, и камень треснет, – резко произнес Ярослав. – Хорошенько поразмыслите о ремесленном посаде. Он-то от дани и ломаной монеты не получает. Вы как хотите, но я буду добиваться уменьшения дани.

– Воля твоя, князь. Но мы с Киевом в распрю не пойдем.

Распустив знать, Ярослав вновь углубился в думы. Он так и предполагал, что новгородские богатеи не будут вкупе с посадскими ремесленниками. Дань их устраивает, немалый куш, оставляемый для города, оседает в их мошне. Знать не бедствует. Каждый из богатеев занимается выгодной торговлей и владеет доброй «вотчинкой», с коей также собирает жито и мед, мясо и рыбу, воск и пушнину…

Таких роскошных боярских теремов Ярослав нигде еще не видел. А вот многие ремесленники живут на посаде в курных избенках, они недовольны пошлинами. Не так уж и много у них остается денег на покупку железа, меди, кож, полотен, серебряных и золотых отделок для доспехов и конских украшений.

Скуден и выход с издельями на торги. А коль так, торгами в основном завладели купцы и бояре. Худо! Ремесленник, коль не будет сбывать свой товар, много не сотворит, а посему и торг новгородский значимо теряет. Сие надо выправлять. Торгом процветают города, о том им, Ярославом, уже не раз было сказано. Пропасть между знатью и ремесленным людом надобно гораздо заузить. Бояре, разумеется, возмутятся, неизбежно возникнет борьба. Но он, Ярослав, будет полагаться на поддержку посада.

Глава 3
Тайное убийство (или правда о Борисе и Глебе)

Прежде чем перейти к сценам убийства князей Бориса и Глеба и борьбе Ярослава со Святополком, автор предлагает читателям «политическую главу», которая существенно меняет наши представления о событиях описываемой эпохи, преднамеренно затененных летописцами и русскими историками.

В наши дни прочно укоренилось воззрение, что князья Борис и Глеб не могут считаться как мученики ради Христа либо ради веры, ибо они стали святыми по политическим обстоятельствам, не имевшим касательства к их вероисповеданию. Борис и Глеб были жертвами государственного злодеяния. Причины свершенного канули в Лету, но потаенное смертоубийство Бориса и Глеба споспешествовало культовому восприятию их поведения. Их подвиг, как сказал историк[7], ставился основой христианского мироощущения древнерусского человека.

Годы правления князя Владимира выглядели весьма значительно.

Военно-политический союз Руси с Византией 987 года, обеспечивший Македонской династии императорский престол в Константинополе и скрепленный религиозно-церковными и династическими узами, придал княжеской власти на Руси державный характер.

Христианизации Руси в ее ключевых центрах споспешествовала византийская поддержка, поощряемая супругой великого князя Анной, дочерью императора Романа Второго и его жены, знаменитой Феофаны. При этом поразительно, что память о насаждавшей веру христианскую вкупе с равноапостольным князем Владимиром его царственной супруге окончательно запропастилась уже в первой половине XI столетия.

Ознаменованное чрезвычайными в историческом охвате успехами правление князя-Крестителя завершилось открытым бунтом двух его старших сыновей, гибелью двух младших и междоусобицей, потрясшей устои Руси в течение пяти лет.

Знаменательно, что в борьбе за киевский стол ни один из князей не выдвинулся под знаменем отступничества. Христианство на Руси основополагалось государственным актом Владимира, и 28 лет его введения при жизни князя засвидетельствовали неотвратимость перемен. Собственный пример Владимира захватил частные верхи, многочисленную дружину, челядь, а также важную часть населения городов.

Отчего же были тайно умерщвлены Борис и Глеб? Мы находим простой и убедительный ответ в посвященных им произведениях: зачинщик «скрытоубиения», их брат Святополк, желал принять всю власть на Руси, устраняя из жизни всех своих братьев.

Но в древних текстах не найти ответа, почему Святополк, коему по старшинству полагался киевский стол, едва заняв его, поручил убить именно Бориса и Глеба, хотя по своей молодости не они угрожали власти старшего брата над Киевом. Разве что в порядке престолонаследия произошли изменения, кои и в летописи, и в их житиях обойдены странным молчанием.

Примечательно, что, опричь обоих сыновей Владимира, никто из ожесточенно боровшихся за Киев его сыновей, включая и «окаянного» изгнанника Святополка, не был лишен жизни.

Убийство Бориса и Глеба было сугубо политическим преступлением. Но тот факт, что они были умерщвлены подосланными убийцами, а не погибли в схватке за власть, придал их уделу свойства мученичества и жертвенности. Поэтому потаенный смертный приговор, хотя и

[7] А. Поппэ, профессор Варшавского университета, русист. Автор разделяет мнение польского ученого, чьи современные исследования еще больше укрепляют позицию автора в так называемом деле убийств князей Бориса и Глеба.

был обоснован политически, в живом предании стал восприниматься как подвиг страстотерпцев, скрепивших своею кровью акт рождения христианской Руси.

Оформление этого предания в письменном виде и введение зарожденного культа новоявленных святых Бориса и Глеба в церковно-религиозную жизнь страны произошло в пределах того же XI столетия.

Но в чем сокровенная тайна безвременного ухода из жизни Бориса и Глеба, каковы обстоятельства и время их праведного вхождения в святость?

* * *

Согласно достигнутому ранней осенью 987 года соглашению, русский князь 6 января 988 года принял таинство святого крещения. Летом 988 года Владимир встретил у Днепровских порогов багрянородную невесту и обвенчался с ней в Киеве христианским браком.

«Цесарица» Анна, как называет ее летопись, «дщерь Священной империи», как назвал ее будущий папа Сильвестр Второй, сестра византийских императоров Василия и Константина, стала единственной законной супругой женолюбивого Владимира.

Родившейся 13 марта 963 года Анне к моменту замужества шел двадцать шестой год, она была несколькими годами моложе Владимира.

Летопись упоминает Анну лишь дважды: в корсунском эпизоде о крещении Владимира и в сообщении о ее кончине в 1011 году. Загадочное умалчивание становится особенно странным в «Слове о законе и благодати».

Накануне своего поставления в митрополиты Иларион, прославляя Владимира и не забыв упомянуть его отца Святослава, деда Игоря и бабушку княгиню Ольгу, сына Ярослава с его женой Ириной и их чадами, ни словом не обмолвился о царственной супруге. А ведь Иларион произносил свою похвалу, стоя над мраморным саркофагом Владимира в «княжем» соборе – Десятинной церкви, где еще в августе 1018 года посреди храма рядом покоился прах его византийской супруги.

Вероятно, к середине XI века саркофаг Анны с центрального места под куполом был сдвинут под спуд. Складывается впечатление, что как саму Анну, так и ее просветительскую деятельность в новообращенной стране пытались «задвинуть» в небытие.

Косвенные улики позволяют полагать, что Владимир с Анной не были бездетны. Подозрения и догадки насчет царственного происхождения Бориса и Глеба высказывались издавна. Уже в XV столетии летописец утверждал: «да от царевны Анны Борис и Глеб».

Единственным источником, отчетливо намекающим на царственное происхождение Бориса, следует признать замечание автора древнейшей «Службы Борису и Глебу»: «цесарским венцем от юности украшен пребогатый Романе, власть велия бысть своему отечеству». Это крестильное имя Борис мог получить по отцу Анны, императору Роману Второму. Борис-Роман родился около 990 года, когда Василий Второй при действенном участии русской дружины начинал завоевание Болгарии. О младенце рассуждали и в Царьграде, и в Киеве. Есть основания приписывать Анне и Владимиру план предоставления своему первенцу болгарского стола.

Глеб родился около 1000 года. Для Анны было очевидно, что стол Владимира полагался в наследство ее сыновьям, но без борьбы это право не удастся водворить в жизнь. Стремление королевы-матери обеспечить трон своим сыновьям было столь обычно для той эпохи, что его следует признать морально-политическим императивом.

Византийский институт цесаря-соправителя подсказывал, как слаженно соблюсти интересы обоих сыновей Владимира и Анны. Именно предоставление несовершеннолетнему Глебу места соправителя, то есть прямого наследника, объясняет, почему подосланные исполнители приговора вслед за Борисом «заказали» и юного князя.

На стремление Анны византизировать наследование киевского стола указывает еще одна существенная подробность.

Попав в крестившийся Киев, багрянородная Анна не пожелала снизойти до положения архонтиссы (византийский придворный титул, которым нарекали в Константинополе русских князей), но стремилась возвести своего супруга в равное ей достоинство и увенчать его главу стеммой[8].

Это не ставило русского князя на равную ногу с императором ромеев, но обозначало место рядом с ним в семье христианских государей. Раз болгарские цари Симеон и Петр смогли стать признанными в Царьграде венчанными василевсами[9], тем паче такая честь полагалась киевскому государю – супругу «дщери Священной империи».

Киев не отказывался от этой возможности, чему свидетельством златники и сребреники, на коих Владимир изображался с византийскими императорскими регалиями – в стемме с крестом посередине, с подвесками по сторонам, на троне, с нимбом вокруг головы и скипетром в руках.

Сыновья Владимира – Святополк со временем, а Ярослав с самого начала – отреклись от почести быть изображаемыми на монетах с царственными регалиями. Налицо реальный отказ от «византизации» киевского престола.

Можно предполагать, что оформленное хлопотами Анны Владимирово завещание позволило по византийскому обычаю торжественно поставить Бориса и Глеба в соправители еще при их жизни. Старшие же сыновья, заинтересованные в сохранении династической традиции права старшего в престолонаследии, искоренили греческие следы и в знаках княжеской власти. На небытие в первую очередь был обречен царский венец, а затем забыт так основательно, что столетия спустя, когда в Москве решили ввести чин венчания на царство, книжники в поисках традиции в родном прошлом связали свои домыслы с внуком императора Константина IX Владимиром Мономахом.

Постепенно под влиянием Анны, ее византийских придворных чинов, не без участия дворцового духовенства пролегала себе дорогу мысль, что единственными законными наследниками престола являются сыновья Владимира от «дщери Священной империи». Факт же их кровного родства с Македонской династией (их дядей был сам император Василий Второй) решающим образом повлиял на политическое завещание Владимира Святославича. Оно должно было обеспечить Борису и Глебу киевский стол и верховные права на всю Русь, в то время как остальные его сыновья должны были довольствоваться периферийными уделами. Такой распорядок престолонаследия, скорее всего, оформился после 1008 года. Вероятно, еще при жизни Анны, то есть до 1011 года, состоялась церемония «настолования» по византийскому образцу, а быть может, и венчание на киевское княжение Бориса, как прямого наследника Владимира, и Глеба, как соправителя. Во всяком случае, к моменту смерти киевского князя при нем в Киеве был «цесарьскимь венцемь от юности украшеный» Борис, коему отец поручил противодействовать печенежским набегам.

В связи с ослаблением «византийской партии» после смерти Анны, среди других сыновей Владимира от не освященных церковью браков назревало брожение. В большей части Европы тогда всё еще преобладала давняя традиция брака без участия священника и вне церкви (иногда с его благословением на дому). В этом традиционном порядке принадлежность к династии, за редчайшим исключением, определялась по отцу.

Сам Владимир, рожденный от связи Святослава с придворной ключницей Малушей, не лишился от этого своих наследственных прав, хотя не только в разграбленном им Полоцке и

[8] С т е м м а – византийская корона.

[9] В а с и л е в с – император, государь.

полтора столетия спустя не забывали упрекнуть этим обстоятельством потомков «робичича» – сына рабыни.

Протест против решения отца перерос в заговор обиженных с участием Святополка, Ярослава и, вероятно, сидевшего в Тмуторокани Мстислава. О поведении остальных обойденных сыновей Владимира ничего не известно.

Узнавший о сговоре Владимир в первой половине 1013 года заточил в темницу Святополка. Планируемый Крестителем Руси в 1014 году поход на Новгород имел целью призвать к послушанию строптивого Ярослава, который, по точному замечанию С.М. Соловьева, «не хотел быть посадником Бориса в Новгороде и потому спешил объявить себя независимым».

Почти шестидесятилетний князь киевский часто недужил, и выступление не состоялось. В связи с предпринятыми Владимиром против Святополка и Ярослава шагами показательно сообщение Титмара Мерзебургского о том, что киевский правитель «всё свое наследие полностью оставил двум сыновьям, тогда как третий пребывал в заключении».

Толковать Титмара можно по-разному, тем более что сведения саксонского хрониста отрывочны, но вес их достоверности особый, так как эти данные появились в хронике из-за беспокойства Титмара за судьбу его собрата и друга – епископа Рейнберна, угодившего в эту авантюру заодно со Святополком и умершего в заточении в Вышгороде.

Сама запись позволяет судить, что Титмар располагал этим известием еще при жизни князя Владимира.

К моменту кончины отца Борис находился в Киеве практически в роли соправителя.

Глава 4
Цесарица Анна

Двадцатипятилетняя «дщерь Священной империи» была довольно недурна собой и многими своими чертами лица напоминала свою мать, Феофану, и не только обликом, но, пожалуй, и нравом.

Сразу после обряда венчания в храме Владимир Святославич, любуясь новоиспеченной супругой, молвил:

– Поздравляю, Анна. Отныне ты великая княгиня.

Но супруга тотчас поправила:

– Не желаю называться великой княгиней. В Византии я была царевной, а теперь я стала цесарицей.

– Но здесь не Византия.

– Но и не Тмуторокань, а великая держава. Болгария намного меньше и слабее Руси, но правители ее именуются царями. Не пора ли и на тебя, супруг, возложить царский венец?

Тщеславия у Владимира Святославича хоть отбавляй, но слова Анны заставили его лишь усмехнуться:

– Чужеземные князья ныне взяли в обыкновение нарекать себя царями и королями, хотя у иных и земель – кот наплакал. Пусть потешатся, а мы посмеемся. Великий князь – князь над князьями, и это звучит куда царственней.

– И все же я не позволю себе согласиться с твоими насмешливыми словами. Русь превращается в империю, и, если нас судьба связала, я все силы приложу, чтобы ты стал монархом.

– Я и так единодержавный правитель.

– Не увенчанный короной.

– Ты упряма, Анна. Оставим этот пустой разговор.

Но Анна преследовала далеко идущие цели. Она привезла из Херсонеса не только иконы, кресты, богослужебные книги, но и многих греческих священников, а затем, шаг за шагом, ее двор наполнился византийскими вельможами.

Князь Владимир смотрел на «причуды» супруги сквозь пальцы. Анна скучает по родине, так пусть ее двор напоминает Византию. Ничего в том худого нет. Он и сам большой сторонник империи.

Анна же сблизилась с греческим митрополитом Феопемтом, сидевшим в Киеве. Их душеспасительные беседы стали частыми и долгими, и через некоторое время Анна стала такой деятельной христианкой, что ей могла бы позавидовать и великая проповедница Ольга. Именно благодаря супруге Владимира в Киеве и в других южных городах Руси всё больше становилось храмов и верующих людей.

Но не все были довольны великой княгиней. Византийские вельможи постепенно оттеснили от двора ближних бояр Путшу, Еловита, Талеца и Ляшко.

– Царицей себя возомнила, – недоброжелательно толковали те меж собой. – Древние устои рушит. Наводнила двор византийцами, а на нас как на неотесанных мужиков смотрит. Надо великому князю пожаловаться. Пусть укротит свою строптивую супругу.

Но Владимир Святославич не внял уговорам бояр. Урезонил:

– Вы бы, господа бояре, вместо того, чтобы великую княгиню хулить, почаще бы ее Богом чтимые дела славили да мошной своей на возведение храмов помогали. Вам бы только языками чесать. Слушайтесь великой княгини!

– Какой? У тебя их много, – сорвалось с языка Путши.

Не хотел говорить, но сорвалось. Ныне ожидай беды: конь вырвется – догонишь, а сказанного слова не воротишь.

Владимир Святославич крепко осерчал:

– У меня, да и у вас – одна великая княгиня. С остальными же женами я в храме не венчан. Вы это на всю жизнь запомнить должны… А коль моя супруга вам неугодна, то перебирайтесь-ка в Вышгород. Мошной тряхните да крепость кое-где подлатайте. Там вам будет покойно.

Бояре позеленели. Вот и поговорили! Слова великого князя означают ссылку. Вышгород давно знаменит опальными людьми. Добро еще в поруб не приказал кинуть.

С отъездом самых знатных бояр в Вышгород влияние Анны во дворе князя еще больше укрепилось. А через полтора года после Крещения Руси, она родила Бориса.

Великий князь, глянув на сына, улыбнулся:

– Еще один княжич.

– Цесаревич, супруг, цесаревич! Племянник византийского императора Василия.

И Анна произнесла это так твердо, что у Владимира Святославича исчезла улыбка с лица.

– На твоей родине, в Византии, цесаревичем, как мне известно, нарекают наследника престола. Наследника!

Анна положила младенца в колыбель, подошла к мужу и нежно обвила его шею своими бархатными грациозными руками.

– Поверь мне, милый супруг, наш Борис будет самым любимым твоим сыном. И ты сам захочешь сделать его наследником престола.

– Сломав обычай?

– Не всякий обычай приносит государю радость. Тому пример – твой старший сын Святополк. Ну чисто волчонок.

– Не тебе судить, – нахмурился Владимир и добавил: – В каком народе живешь, того и обычая держись.

Анна, вельми умная Анна, не любила вступать в затяжной спор. Она просто промолчала и поцеловала мужа в губы. Ее оружие – ласка и терпеливое, но настойчивое (без назойливости) умение идти к своей заветной цели.

И это ей пока удавалось. Воспитанная на щекотливых интригах византийского двора (чего только стоила ее мать Феофана!) Анна, исподволь для супруга, вела чрезвычайно тонкую игру, коя всё больше и больше сближала ее с Владимиром.

Постигнув его характер, она раз и навсегда осознала, что его пороки останутся с ним до смерти. Похотливых людей не исправишь ни заговором, ни собственными ласками. И она прощала Владимиру его распутные похождения, старалась словом о них не обмолвиться, разумея, что это может повредить ее основным устремлениям, ее высочайшей задаче.

У великого князя было немало детей, но все они были рассеяны по городам Руси. Владимир Святославич по многу лет не видел своих сыновей, отвыкал от них, и этим воспользовалась цесарица. Редкую неделю она не приходила с Борисом к Владимиру и всегда говорила:

– Ты посмотри, милый супруг, какой прелестный у нас сын. Он никогда не плачет и улыбается своему чудесному и великому отцу. Возьми его на руки, Владимир.

Князь, поддаваясь ласковой просьбе супруги, принимал младенца на свои крепкие, большие руки, всматривался в лицо Бориса и довольно высказывал:

– Славный княжич подрастает. Время стрелой летит. Не заметишь, Анна, как и постриг подойдет. Уведу от тебя Бориса. На коня посажу, меч ему подберу и стану из сына доброго воина ковать.

– Дай-то Бог, милый супруг. Сын должен жить на половине отца.

И Анна вновь горячо целовала князя. Она была счастлива: Владимир привыкает к сыну. Вскоре он должен его полюбить, и тогда она всё чаще будет ему напоминать, что Борис – настоящий цесаревич и что только он может быть наследником престола. На помощь ей придет митрополит Феопемт. Он довольно искусный политик и сумеет уверить Владимира…

Шли годы. Деятельность Анны и владыки не прошла бесследно. Великий князь до такой степени полюбил Бориса, что не мог долго держать его в Муроме, куда он посадил его на княжение в двенадцать лет. Он опять вызвал Бориса в Киев и больше не отпускал его от себя до смерти новгородского князя Вышеслава.

Великий князь не смог выехать на похороны сына: приболел. Вскоре он пригласил к себе любимца и сказал:

– Как ни жаль, Борис, но тебе надлежит отправиться на княжение в Ростов.

– Но там же мой брат Ярослав.

– Ярославу я отдаю Новгород. Тебе надо ощутить себя властителем большого княжества, ибо тебе оное весьма пригодится.

В словах отца Борис уловил какой-то скрытый смысл, но он не стал допытываться.

Владимир провожал сына в Ростов с немалой печалью: он и в самом деле искренне полюбил Бориса. (Ох, уж эти старания дочери Феофаны!)

Отъезд сына в Ростов омрачил душу цесарицы Анны. Супруга все чаще одолевают недуги. Перевод же Ярослава в Новгород гораздо усилит его притязания на киевский стол.

Святополк – в порубе, но Ярослава пророчат в великие князья все отнесенные от двора вельможи. Их много, очень много! Надо принимать незамедлительные меры.

Никогда еще не была Анна так ласкова с увядающим супругом. Владимир Святославич довольно говаривал:

– Не узнаю тебя, Анна. Ты ведешь себя в постели, как самая искушенная сладострастница. Такова, говорят, была твоя мать, Феофана.

– Не знаю, какова была моя мать, но я тебя очень люблю, Владимир. Ведь ты тоже способен на большую любовь. Я же вижу, как ты тоскуешь по нашему Борису, единственно верному тебе сыну, который готов жизнь за тебя отдать. Я права, Владимир? – нежно произнесла Анна, покрывая Владимира горячими поцелуями.

– Да, да, Анна. Борис – мой самый надежный сын.

– Это не Ярослав, который даже не пожелал тебя увидеть. А Борис – очень верный сын, и не ему ли наследовать престолом?

Владимир Святославич все еще колебался с принятием окончательного решения, но убаюкивающие речи Анны и беседы с митрополитом Феопемтом не прошли даром.

Ростовский князь Борис был вызван в Киев. Церемония настолования по византийскому образцу и венчание двадцатилетнего Бориса на киевское княжение состоялись.

Цесарский венец украсил будущего великого князя. Соправителем был объявлен младший брат, Глеб.

А двумя месяцами раньше на седую голову великого князя была возложена греческая стемма с крестом посередине и подвесками-иконками по сторонам.

Цесарица Анна торжествовала.

Глава 5
Содом

Великий князь не ведал, на что и подумать. Ярослав, получив грамоту на новое княжение, должен был явиться из Ростова в Киев, а он сразу отъехал в Великий Новгород.

Что это? Зазнался, полное пренебрежение отцом? Но такого случая еще не бывало. Любой сын, где бы он ни находился, тотчас прибывал по приказу родителя в стольный град. Даже «зол плод» Святополк, у коего были веские основания задержаться в Турове, и тот приехал в Киев. Ныне сидит в порубе, подлый изменник! Но сейчас речь не о нем. Старый боярин Колыван, пожалуй, прав:

– Уж не пронюхал ли чего о твоем приказе, великий князь?

– О каком таком приказе, Колыван?

Дворский замялся. Дернул же его черт за язык! Но надо договаривать:

– По поводу Березини и ее приблудыша.

Владимир Святославич схватил дворского за грудки.

– Совсем из ума выжил, старый пес! Аль не я упреждал, что никакого приказа тебе не поручал!

– Прости, великий князь. Чаял, чтобы ты вдогад взял. Ярослав-то…

– Молчи! – сорвался на крик Владимир Святославич. – Еще раз вякнешь – поганый язык вырву. Своими руками!

– Не вякну, великий князь, не вякну, – побледнев, заверил Колыван и, в знак подтверждения сотворив крестное знамение, попятился к сводчатой двери…

Прав, прав Колыван. Ярославу ума не занимать, он и в самом деле мог догадаться. Вот почему ему не хочется видеться с отцом. Но тайну, видимо, он держит при себе, и за то ему многое простится. Если бы Русь изведала еще об одном скверном деле Крестителя, то у него прибавилось бы смертных грехов. «Не убий!» – завещал христианам Иисус Христос.

А грехов у Владимира – ни одному звездочету не перечесть. Еще два месяца назад он почувствовал, что похоть его умерщвлена, он уже не в состоянии овладеть самой сладострастной наложницей.

И тогда ослабевший князь повелел Колывану тайно привести к нему ведуна-знахаря, с коим поделился своим горем, и тот изрек ему заговор от бессилия:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь! Есть святое окиян-море, на том святом окиян-море стоит остров, на том острову стоит дуб булатный, у того дуба булатного – корень булатный, сучья булатные, вершина булатная. Того дуба булатного ветром не согнет, вихрем не сломит, так бы и у раба Божия Владимира стояли семьдесят жил и едина жила… на женский лик красной девицы… что турий рог, что еловый сук, чтобы тот раб Божий Владимир стал пылок и ярок на женскую похоть, на полое место, во веки веков, аминь!

В тот же день знахарь бесследно исчез. Никто не должен ведать о половой немощи великого князя.

А через два дня Владимир Святославич, опрокинув рог фряжского[10] вина и забыв о державных делах, помчал в свою резиденцию, любимое село Берестово, в коем находился его дворец с тремя сотнями наложниц. Но как ни усердствовала его любимая похотница, великий князь потерпел неудачу. Он огрел наложницу плеткой и ушел из ложеницы в свои покои.

---

[10] Ф р я ж с к о е – итальянское.

Великий князь был в отчаянии. Неужели его сладострастию пришел конец?! Тридцать пять лет он наслаждался женами и бесчисленными наложницами, и вот настал горестный час, когда он утратил ни с чем не сравнимое блаженство.

Напился Креститель до одури. На другой день бушевал: кто бы ему ни попадался на глаза из челяди, жестоко избивал, а затем, вконец обессиленный, рухнул на лавку, крытую медвежьими шкурами, и заснул беспокойным сном.

Очнулся, а в голове всё та же неотвязчивая мысль: «Нет! Не могу без девок. Не могу!»

Приказал позвать из своих дворовых плотника.

– Вот что, Минька. Сотвори-ка мне малое оконце в покоях. Да чтоб оконце задвигалось.

Минька пожал плечами.

– Так дверь есть, великий князь.

– Оконце, дурья башка! И чтоб борзо сделал!

«Чудит наш князюшка», – подумал плотник и побежал за сручьем.

Когда оконце было вырублено, задвинуто и прикрыто парчовой занавесью, довольный Владимир Святославич пошел в людскую и молвил:

– Нерадивы стали. Эк, рожи без дела отъели. Накажу нещадно!

Холопы упали на колени.

– Не ведаем, чем и прогневали тебя, батюшка великий князь.

– От изделья отлыниваете, лежебоки. Будет вам особая поруха.

Владимир Святославич отобрал с десяток самых крепких холопов и повел их сенями к одной из многочисленных комнат дворца, в коей располагались семь наложниц. У дверей остановился и отдал приказ:

– Девки мои зело провинились. Ступайте к ним, сорвите одежки и силуйте.

Холопы оторопели. Вот приказ так приказ!

– Ступайте. Дверь я закрою на засов, дабы ни одна девка не выскочила.

Отдав повеление, Креститель поспешил в свои покои и тотчас приоткрыл потайное оконце. То, что он увидел, привело князя в неслыханное возбуждение.

Девки кричали, визжали, норовили выскочить из комнаты, но мужики изрядно ведали своё дело. Насиловали так дерзко и грубо, что весь дворец огласился несусветным девичьим воплем.

Владимир с необычайным вожделением наблюдал за развратным содомищем и до изнеможения занимался… рукоблудием.

Глава 6
Жены Ярослава

«Оженить Ярослава, немешкотно оженить, – надумал великий князь. – Нечего сыну столь долго в холостяках ходить. У византийского императора две дочери на выданье. Теперь не откажет».

В челе послов направился в Византию тертый, видавший виды боярин и воевода Вышата. Наделив императора щедрыми дарами и проведя искусные переговоры, Вышата привез в Киев старшую дочь «царя царей» Елену.

Царевна, в отличие от Анны, второй жены Владимира, почему-то охотно поехала на Русь.

– Отцу твоему всегда надобна помощь Руси, – сказала Анна. – У него много врагов. Но Новгород – не Киев. Там суровые зимы. Тебе, Елена, будет трудно в этом варварском городе. Да и Ярослав, сказывают, нравом не мягок.

– Привыкну. Мне надоело смотреть на бесконечные интриги царедворцев.

– Как знаешь, Елена. Я благословлю тебя на брак, и дай Бог, чтоб у тебя появились сыновья.

Сама Анна свою жизнь в Киеве считала весьма удачливой. Она добилась всего, о чем мечтала. А ведь так ей не хотелось выходить замуж за Владимира! А тот, захватив в 988 году византийский город Корсунь (Херсонес), послал сказать братьям-императорам Василию и Константину:

– Я взял вашу мощную крепость и ведаю, что у вас есть сестра Анна. И коль вы не отдадите ее за меня, то и стольному граду вашему будет то же, что и Корсуню.

Братья, конечно же, огорчились и ответили:

– Недостойно христианам выдавать сестер своих за неверных. Если не захочешь креститься, то не можем выдать за тебя сестру.

Владимир сказал послам:

– Молвите царям, что я готов креститься, потому что и прежде испытывал ваш закон, и мне нравится ваша вера и богослужение.

Цари, услышав это, успокоились и послали к Владимиру свою сестру, кою насилу уговорили ехать, и она с плачем поплыла через море. Когда царевна прибыла в Корсунь, Владимир принял христианскую веру, а после крещения направился в Киев, где и обвенчался с Анной христианским браком.

И вот теперь другой византийской царевне предстоит венчание с русским князем.

Еще заранее Владимир Святославич отправил послов к Ярославу со своим благословением на брак.

Свадьба состоялась в конце 1011 года.

Ярослав был обязан жениться. Ему уже за тридцать, пора и семьей обзавестись, особенно сыновьями. Но на шумной свадьбе князь сидел за столом не столь уж и веселым, на что сразу же обратили внимание новгородцы.

– Знать, не по сердцу невеста.

– А ведь, кажись, при телесах и лицом пригожа.

Никто из новгородцев не ведал об истинном расположении духа Ярослава. Он сидел с Еленой, а в глазах его стояла Березиня…

Была и веская другая причина. От послов князь узнал потрясающую новость: Владимир Святославич завещал престол брату Борису, венчав его на великое киевское княжение.

Как же до такого шага мог додуматься князь Владимир?! Он грубо нарушил стародавний обычай престолонаследия. Так вот почему возмутился старший брат Святополк.

Дело, оказывается, не в женитьбе его на дочери польского короля и тайных сношениях с Болеславом, а в злодейском намерении великого князя. Он начал расчищать путь к трону своему любимому сыну Борису и кинул Святополка в темницу. Ну и жесток же «родный тятенька!». И в кой раз он свою жесткость показывает. Теперь он наверняка направит свои жгучие стрелы на него, Ярослава, сына своего.

Рассуди, Господи! Зачем же так несправедливо поступает великий князь? Неужели он не понимает, что может столкнуть лбами родных братьев? Ныне Святополк Борису – злейший враг. Да и он, Ярослав, если честно признаться, не захочет ходить под рукой «младеня». Как же Борис мог согласиться на великокняжеское венчание? И на что же надеялся великий князь, завещая Борису престол? Хитрец! Теперь отец надумал задобрить его, Ярослава, женив на дочери византийского императора. Не задобришь, Владимир Святославич, и никогда не вернешь сыновнюю любовь.

Великая княгиня Анна как в воду глядела, предупреждая родственницу о суровых новгородских зимах. Родив сына Илью[11], Елена вскоре застудилась в лютые морозы, да так и не одолела тяжкий недуг.

Через полгода к новгородскому князю проявил большой интерес шведский король Олаф, весьма хитрый и дальновидный человек, кой уже в те годы предвидел, что после дряхлеющего Владимира Крестителя на киевский престол все-таки сядет князь Ярослав.

Король прислал в Новгород посольство, кое намекнуло Ярославу, что Олаф желал бы породниться с новгородским князем.

Ярослав тотчас вспомнил своего брата Всеволода, коего великий князь отправил отроком на княжение во Владимир-Волынский. Когда Всеволоду исполнилось семнадцать лет, он изведал, что после смерти шведского короля Эрика осталась юная вдова Сигрида, о коей вся Европа говорила, что она необычайно прекрасна.

Впечатлительный Всеволод, никогда не видя королевы, воспылал к ней пылкой любовью и, не раздумывая о последствиях, кинулся на корабле за море.

Шестнадцатилетняя вдова встретила русского князя обольстительной улыбкой. Сигрида была действительно восхитительной красавицей.

– Моей руки домогаются многие знатные люди. Во дворце дожидается моего слова король Гренландии Гаральд. Он зрелый муж и отважный рыцарь. Ты ему не соперник.

– Я готов с ним сразиться! – воскликнул Всеволод.

– Я ненавижу кровь. Поединка не будет. Я отдам свое сердце тому, кто меня страстно полюбит.

– Я люблю тебя, Сигрида. Страстно люблю! – горячо вскричал Всеволод. – Ты проживешь со мной счастливую жизнь!

– Время покажет, юноша, – загадочно произнесла королева и добавила: – А теперь я отведу тебя, русский князь, к Гаральду. Познакомься с ним, дружески побеседуй, и оба повеселитесь моими чудесными винами. Тот, кто больше вкусит моих напитков и останется более трезвым, тому я и стану женой.

Оба претендента на руку красавицы так напились, что не могли из кресел приподняться.

Сигрида велела запереть несчастных женихов и своими руками подожгла палату. Юная королева стала жестокой убийцей, но скандинавские саги в своих поэтических сказаниях вовсю стали прославлять гордое величие северных дев. С тех пор к новому шведскому королю Олафу, имевшему трех дочерей, никто уже не сватался.

Послы не ожидали от Ярослава положительного ответа, но тот, дотошно изведав, что собой представляет дочь короля Ингигерда, дал согласие.

---

[11] Первого сына Ярослав Мудрый назвал в честь первого храма Ильи, возведенного в Ярославле

– Мыслю, что дочери Олафа не такие полоумные, как Сигрида, – на чистом скандинавском языке отозвался Ярослав Владимирович.

Шведы одобрительно закивали русыми головами: этот новгородский князь достаточно образован.

– Ингигерда умна и рассудительна, обладает мягким нравом, князь Ярослав.

Послы, конечно же, кое в чем приврали. Невеста оказалась не такой уж и мягкой. Она была миловидна, но от лица ее так и веяло холодностью и гордостью.

«Ничего, обломаю. Такие женщины любят твердую руку. Всё образуется», – подумал Ярослав.

Перед венчанием Ингигерда взяла русское имя Ирина. Её приданым стали Ладога и дружина, прибывшая с ней во главе с Эймундом и Рагнаром.

«Ладога – одна видимость, – усмехнулся Ярослав. – Управлять городом всё равно будет русский посадник. А вот варяги скоро могут зело пригодиться. Польский король не внял мирной грамоте великого князя и двинул свои войска на Русь».

* * *

Болеслав, уязвленный жестоким поступком Владимира, заточившего его зятя Святополка, дочь Регелинду и епископа Рейнберна в темницы, позвал на подмогу печенежскую орду.

Соединившись с кочевниками, Болеслав захватил Червенские города[12] и помышлял уже выступить на Киев, дабы не только завладеть самым богатым княжеством Руси, но и освободить пленников.

Болеслав Храбрый предвкушал блестящую победу: никогда еще у него не было столь огромного войска. Под его стягами «собралась вся земля печенежская».

Но тут в стане короля начались жуткие раздоры. Печенеги, не дожидаясь похода на Киев, решили забрать себе добрую половину взятой добычи. Ляхи соглашались лишь на треть. Между степняками и поляками завязались схватки за добычу, кои Болеслав едва унял. Вечером он поначалу переговорил со своими воинами, а далее собрал и печенегов.

– Нам не нужны свары. Поступим по-честному. Вы, славные печенеги, отважно сражались с русскими полками и заслужили половину добычи. Такая же половина ждет вас и в Киеве. Забирайте всё, что вам полагается, а затем устроим великое пиршество.

Кочевники обрадованно загалдели. После пира, когда печенеги свалились на свои переполненные добром чувалы, король отъехал к своим отборным отрядам и приказал:

– Перебейте этих жадных кочевников, и вся добыча достанется нашим воинам.

Кровавая резня длилась всю ночь. А на другой день к Болеславу подоспели послы от великого князя Владимира. Он предложил новый мир, с условием, что выпустит из темниц узников.

Болеслав, после недолгого раздумья, просчитав ситуацию, согласился с договором Владимира и увел свои войска в Польшу.

---

[12] Червенские города – древнерусские города-крепости X – XIII вв.: Червен, Волынь, Сутейск и другие.

Глава 7
И пошел сын на отца

Великий князь был настолько самонадеян, что в войне с ляхами не стал просить помощи у сыновей.

Обойдусь без их дружин, мнил он. Все князья слишком далеко сидят. Киевское же войско – одно из самых могучих. Ему под силу любой ворог.

И обошелся-таки! Слава Богу, король Болеслав печенегов умял. Без степняков он не дерзнул продолжать войну. Король позабыл даже про своих пленников. Правда, Святополк и его жена ныне вызволены из глухих порубов и сидят в избах под усиленной охраной. (Епископ же Рейнберн так и умрет в темнице.) Как мог такое запамятовать Болеслав? Неужели одной добычей прельстился?

Недоумевал Владимир Святославич и утешал себя мыслью, что не пришлось на старости лет вновь садиться на ратного коня.

Но его покой был недолгим. Из Новгорода пришла весть, что Ярослав вознамерился отказаться от дани Киеву.

Да быть того не должно! Это же неслыханное дело! Надо немедля слать гонцов в Новгород. Своеволие Ярослава переходит все пределы.

* * *

Ярославу с первой же недели не приглянулось жить в хоромах покойного Вышеслава.

Шумное место! С какой стороны ни выгляни из оконца – и тотчас упрешься в боярские хоромы, кои заполонили весь Детинец. А кремль многолюден, тесен. Даже по ночам покоя нет. Какой-нибудь подзагулявший боярин едет от соседа к своему тыну, а холопы орут во всё горло:

– Гись! Гись!

Но хуже того бывает, когда встречные возки никак не разъедутся – и загуляла тут драчка. Несусветный гам на весь Детинец!

Не выдержал Ярослав и приказал боярину Могуте:

– Приглянул я местечко на правом берегу Волхова. Дойди до плотников и снаряди добрую артель. На оплату не скупись. Сколь гривен запросят, столь и заплачу.

– Они могут и вдвое заломить. Каждый себя великим умельцем мнит.

Князь Ярослав и сам ведал, что новгородские плотники зело искусны, прославились на всю Русь. Люди прочих городов дразнили новгородцев, нарекая всех без разбору, «плотниками».

– А я сказываю, не скупись, Могута Лукьяныч. Пусть возведут такой дворец, кой и киевскому не уступит. Не всё Киеву кичиться. Новгородские плотники даже цареградских мастеров за пояс заткнут.

Князь Ярослав имел пристрастие возводить все постройки основательно, крепко и красно, дабы веками творением рук умельцев любовались. (А сколь он еще возведет диковинных храмов и монастырей в последующие годы!)

Жену Ирину он уже привел в новый дворец, кой был поставлен неподалеку от реки и подле дубового храма Ивана Предтечи, что на Опоках.

Новое жительство князя народ окрестил Ярославовым дворищем, кое сохранилось на многие века и кое позднее станет любимым местом Александра Невского и других новгородских князей.

Ремесленный люд нахваливал плотников и говаривал:

– Ярослав своей калитой с древоделами расквитался, а князь Вышеслав на поборы терем ставил. Ярослав не захотел посадский люд обременять.

– Нравом не тот. Редкий день к мастерам не заглянет. Лучшую долю сулит.

– Покамест что-то не видно. Обещал бычка, а даст тычка.

– Ну, ты это напраслину возводишь. Князь, чу, от дани норовит отрешиться. Дабы никаких пошлин от нас Киеву не шло.

– Тяжеленько Ярославу приведется. Князь-то Владимир спуску не даст.

Таковские разговоры по Новгороду давно шли, но Ярослав пока еще не решался бросить отцу открытый вызов. Надо было подготовить и купцов, кои в большинстве своем держались посадника Константина, тысяцкого и бояр, что коноводили на вече.

Ярослав нередко вел с купцами беседы, но большого сдвига от них пока не ощущалось: торговые люди часто навещали Киев и ведали о силе великого князя.

И все же разговоры с купцами не закончились даром. Как-то князь пригласил к себе Силуяна и спросил:

– Ты все дни проводишь на Торговой площади. Кто самые богатые купцы в Новгороде? Не вощаники?

– Вощаники, князь.

– Пошлиной обложены и льгот никаких не имют.

– Никаких, князь.

– Собери мне их, Силуян. Задумка есть. Надо нам купцов на свою сторону перетянуть.

– Да я тоже норовлю чем-то помочь тебе, князь. Слово давал. Старые купцы меня припомнили. И так и сяк судачим, но покуда купцы осторожливы, трудно их прошибить.

Вощаников князь рассадил на втором ярусе дворца, в сенях, кои обычно заменяли гридницу и где князья принимали почетных гостей и послов. В сенях, как в самых парадных теплых палатах, постоянно стоял княжеский трон, здесь же собиралась дружина и проходили пиры.

Никогда еще для вощаников не оказывалась такая честь.

– Позвал я вас, господа купцы, не для почестного пира, а для основательного разговора, – начал Ярослав.

– Да уж, почитай, наговорились, князь, – хмуро произнес один из старших купцов.

– О прежних беседах вспоминать не буду, Мефодий Аверьяныч. О новом деле поговорим.

Купцы переглянулись. Ишь ты, князь даже по отчеству торговых людей запоминает.

– Все вы занимаетесь важным изделием – готовите воск, кой нужен каждому человеку, от бедняка до князя. На одни только новгородские церкви, как мне поведал епископ Иоаким, требуется десятки тысяч пудов. Вас около сотни вощаников. Но вы разобщены, и вас облагают пошлинами, кои приносят убытки.

– И немалые, князь, – загудели купцы. – Житья нет от поборов.

– Я предлагаю вам объединиться и получать немалые льготы.

– Как это?

– Какие еще льготы?

– Растолкую. Можно сотворить общину или братство при храме Ивана Предтечи. У храма же установить специальные весы для взвешивания воска. Тот, кто покупает у общины воск, тот поневоле должен взвесить его на общинных весах и заплатить пошлину, коя целиком пойдет братству. Получится довольно неплохой прибыток. Да вы сами прикиньте. В торговых делах больше меня разумеете.

Купцы посидели, пораскинули умом, а затем поднялся купец Мефодий.

– Дело, князь. Прибыток будет… Но тогда многие в нашу общину полезут.

– Полезут. А вы за вхождение высокую плату учредите. В десятки гривен серебра. И такая плата не сдержит. Пошлина-то богатая набегает. Вот и прикиньте, стоит ли за такую общину браться. Весы будут храниться в храме. Опричь того, в церкви станут храниться и

другие мерила, за право пользования коими – особые пошлины. Примолвлю и другое. Община получит ретроградно вершить суд по торговым делам и разбирать тяжбы, кои часто бывают при свершении сделок. А за оное вновь братству пошлина.

– Дивны дела твои, Господи! – воскликнул Мефодий. – Умно задумано, князь. Но благословит ли братство при храме владыка Иоаким?

– Благословит. Я уже беседовал с епископом.

– Ну, тогда мы еще разок обо всем потолкуем и, коль на братстве сойдемся, рядную грамоту[13] напишем, а тебя, князь Ярослав Владимирыч, попросим печать свою приложить. Дашь ли на ряд печать?

– Дам, господа купцы.

Купцы, шумно переговариваясь, подались из княжеских сеней, а довольный князь удалился в свои покои.

Купцы непременно за братство ухватятся. Спасибо епископу, коего не пришлось долго упрашивать…

А вот как отнесется к этому великий князь? Но его поджидает более худая весть. Пришла пора отмежеваться от дани, кою платили новгородцы, начиная со Святослава Игоревича. Князь Владимир поразмыслит, что его сын надумал отшибить Новгород от Руси, но он, Ярослав, даже в мыслях своих того не допускает. Русь должна быть единой, но Новгород больше не будет скапливать Киеву дань. Правда, такое дело без веча не решишь. Что-то теперь скажет Господин Великий Новгород?

[13] Р я д н а я г р а м о т а, р я д – договор, соглашение.

Глава 8
Вече

Киевский князь никогда не отрешится от Новгородской земли, размышлял Ярослав. Уж слишком важно для Руси сие княжество. Городов, правда, под челом Новгорода не столь и много, и к тому же все они раскинуты на дальние пространства. Самая ближняя, в семидесяти верстах – Старая Русса, да и та отделена мощной водной преградой озера Ильмень. Остальные же новгородские города – Ладога, Торжок и Псков – и вовсе удалены на двести – двести пятьдесят верст.

Сам же Новгород разнился невиданными размерами, если его сопоставлять с прочими городами Северной Руси. Что же повлияло на его прыткий рост?

Ярослав давно уже уяснил, что редкостный рост Новгорода истолковывается допрежь всего его узловым положением на разветвленной водной сети Ильменя и Волхова. Город лежал на великом пути «из варяг в греки», как раз в том месте, где к этому пути ближе всего подходит верховье Волги. Новгород оказался местом стыка двух величайших водных дорог Восточно-Европейской равнины.

Река Волхов соединила Новгород с Ладожским озером и далее через Неву – с Финским заливом: откуда корабли шли в Варяжское море.

Волховские пороги не представляли непроходимой помехи для торговых судов, управляемых местными кормчими, но затрудняли в то же время вероятность неожиданных наскоков корсаров[14], кои весьма часто выступали на берега Финляндии и никогда не могли продвинуться в новгородские пределы далее Ладоги.

На юг от озера Ильмень шло несколько водных дорог по крупным рекам, сходившимся к озеру[15]. На запад от Новгорода шла река Шелонь, близко подходившая к Череху, притоку реки Великой, на коей стоял Псков.

Озера и реки соединяли Новгород с Русским Севером. Путь от него шел к Белому озеру, Сухоне, Онеге, Белому морю, Заволочью, Печоре, Югре[16].

Побывал в стране «полнощной» и купец Мефодий. Его рассказ князь выслушал с необычным интересом:

– Снарядили мы артель на Студеное море[17]. Охотников было мало, и не потому, что далеко. Купцы и в Царьград, и в немецкие, и свейские земли раньше плавали. К опасностям давно привыкли, с бурей не единожды спорили на море, когда ладью, как ореховую скорлупку, швыряет. Но то ведь ладья, большой корабль, на коей сорок коней помещается и людей до сотни. А тут ушкуи рыбацкие, утлые суденышки, на коих лишь можно сети ставить близ берега. И ни на чем другом, как на ушкуях, долгие каменистые перекаты северных рек не пройти. И надо пройти проворно, ибо северное лето короткое, надо успеть туда и обратно вернуться. Не обернешься до того, как льды скуют воду, – сам превратишься в ледышку. Ни на коне, ни

---

[14] К о р с а р ы – морские пираты.

[15] Громадное значение имел путь, связывающий Новгород с Волгой. Изначальное его направление выводило по реке Поле и ее притокам к озеру Селигер и верховьям Волги. Значительно позже был проторен водный путь по реке Мсте, а также по суше на Торжок, от коего шла прямая дорога по Тверце до впадения ее в Волгу. Мста выводила к Медведице, от нее можно было опять-таки попасть к Волге, там, где в нее впадала река Нерль, по коей можно было двигаться через Ростово-Суздальские земли в Хвалынское море и страны Арабского Востока.

[16] Ю г о р с к а я з е м л я – историческое название Северного Урала и побережья Северного Ледовитого океана от Югорского Шара (пролив между островом Вайгач и берегом материка Евразия, соединяет на юге Баренцево и Карское моря) до устья реки Таз, населенных югрой. Во второй половине XV в. постепенно включена в Российское государство. Ю г р ы – хантские и отчасти мансийские племена.

[17] С т у д е н о е м о р е – Ледовитый океан.

пешим до Новгорода уже не доберешься. Вдали же от дома ни за какие богатства не перезимуешь.

– Мыслю, Мефодий Аверьяныч, многое зависело и от подбора артели.

– Воистину, князь, – огладил бороду купец и многозначительно глянул на Ярослава. – Артелью гору поднимешь, а один и камень не сдвинешь. Так и в княжьем деле. Соберутся округ верные содруги – жди удачи, а коль разлад пойдет – беда скрутит.

– Толковые слова, Мефодий Аверьяныч.

А купец продолжал:

– Тяжко подбиралась артель, самых надежных людей выискивали, и все же сколотили три десятка людей. Риск велик, но северная пушнина и моржовый зуб цены не имеют. Добрались до Печоры, а затем и до Югорской земли, коя соседствует с самоедами[18]. Здесь сказочное богатство пушных зверей, и звери те ручные, никем не пуганы. Соболь же – красоты невиданной. А далее обнаружили чудо на берегу океана: там, где огромные горы, возвышающиеся до небес, подходят к заливу океана, был услышан говор и крик многих людей. Язык их был неведом, но они, указывая на наше железное оружие, просили отдать его им. Мы отдавали нож или топор, а они взамен – много драгоценных мехов, зубы и клыки моржей.

Путь к этим горам лежал через непроходимые пропасти, снега и леса, но мы упорно шли. В Новгород вернулись на пять человек меньше, но наши ушкуи были набиты несметным богатством. Тебе, князь Ярослав, даже трудно представить, что нож с ручкой из малого зуба моржа можно обменять на пять высоких головок, пять меньших головок и пять подголовков. На пятнадцать соболей!

– Головок?

– Да, князь Ярослав. Так новгородцы подразделяют сорта соболей. Высокая головка – черный мех, меньшая головка – черно-бурый мех, подголовок – темно-бурый.

– Высока же цена моржового зуба. Но как же все-таки его приходится добывать, Мефодий Аверьяныч?

– Самоеды помогли. Оказывается, полунощные люди зимой моржей не забивают. Моржи в эту пору собираются на льду моря, у полыней, как нерпы, но самоеды на них не охотятся.

– Почему?

– Всё дело в том, князь, что зимой кожа моржа становится еще толще и костяной гарпун не пробивает до сердца.

– Но весной и летом, как я слышал, моржи уплывают в море.

– Истинно, князь.

– Не разумею, Мефодий Аверьяныч. Как же твоя артель смогла с моржовым зубом прибыть?

– Вот я и толкую, что самоеды помогли. Бесхитростный народ. Мы им подарили железные изделия, а они нас до моржового могильника довели. Тяжел был путь. Поднялись с самоедами на какую-то высоченную гряду, и сердце захолонуло. С другой стороны круча обрывалась отвесной стеной. Внизу от суши в Студеное море врезался гладкий берег, окруженный полукольцом непроходимыми скалами, кои запирали берег дикими мысами. Залив был довольно обширный, а вся земля была усеяна камнями, валунами и погибшими моржами. Именно в этот залив они и приплывали умирать.

– Но как удалось спуститься с отвесной кручи?

– Самоеды захватили с собой канаты, перевитые узлами для рук и ног. Когда спускались в могильник, страху натерпелись, зато потом увидели такую сказочную добычу, что глаза разбегались. Моржовые клыки – и на полсажени, и длиной в аршин, и в ладонь, ибо с мате-

---

[18] С а м о е д ы (летописн. смаоядь на саамском языке – земля саамов) – старое русское название саамских племен Северной Руси, позднее – название ненцев.

рыми зверями находились и детеныши. Моржовых зубов на могильнике было столько, что и на сотню артелей хватит… А потом был обратный путь. Пятерых людей потеряли. Приходилось с лихими людьми сражаться, князь. Мы их называем «соловьями-разбойниками», коих бояре нанимают.

Лицо Мефодия посуровело, пальцы сжались в кулак, и он потряс им, словно кому-то угрожая.

– Башку бы оторвать этим боярам!

– Вижу, недоволен боярами?

Мефодий вновь испытующе глянул на князя. Дерзко прозвучали его слова:

– А ты, князь, доволен новгородскими боярами? Они не только от своих вотчин кормятся. У них все клети пушниной и рыбьим зубом забиты. Вот и посылают к Студеному морю лихих людей, а потом в торговлю пускаются. Новгородские бояре – самые богатые и самые лютые на Руси. Мы же добрых людей теряем. Иногда подумай, князь, на кого в Новгороде опираться. С купцами ты не худо потолковал, они на вече свое слово скажут. С боярами же ты лад не найдешь, но и ремесленный люд всяко может повернуть.

Истину высказал купец Мефодий, но такие назидательные слова не каждый человек князю произнесет. И слава Богу, что такие люди есть в Новгороде, и их надо всемерно поощрять, приближать к своему двору.

– Спасибо за слово правое, Мефодий Аверьяныч. Возьму на замету… И как же вы от лихих отбиваетесь?

– На Югру идем, как на бой с печенегами. Со щитами, луками, колчанами, копьями и мечами. В узких горловинах рек ограждаем ушкуи с товарами неприступной стеной. Плечо к плечу, щит к щиту, а длинные копья – вперед! Чтобы ни пешие, ни конные не могли прорваться к ушкуям. Лиходеи тучи стрел пускают, но наши щиты длинные, прикрывают всего человека, обиты кожей и медными пластинами. Не взять! А кончится узкая горловина или перекат, тут уж мы сами разбойников стрелами отгоняем. На реке же мы недоступны. Гордыми лебедями плывут наши ушкуи.

– А что северные люди?

– Восторгаются нами, князь. Ведь мы прошли тысячу верст. Добрый, безобидный народ, и весь в меха закутан. От мала до велика выходят нас провожать в обратную дорогу.

– Однако смел же новгородский купец. Честь ему и хвала! Таких отважных купцов, мнится мне, во всем мире не сыскать…

Велико значение Господина Великого Новгорода для Руси. Самый большой город после Киева, один из главных «данников». Как тут великому князю не грозиться войной, коль он останется без самого смачного куска. Да он горло перегрызет…

Прежде чем собирать новгородцев на вече, Ярослав Владимирович провел совет со своими ближними боярами: Могутой, Озаркой и Заботкой. Каждого молча выслушал, а потом произнес:

– По речам вашим утвердился в мысли, что войны с великим князем не избыть. Но дань мне самому позарез нужна. Буду изрекать об этом на вече. Но допрежь попрошу собрать всех старост, кои над ремесленным людом поставлены. Разговор будет не так уж и прост. На большом разговоре без промаха не бывает, а посему надо найти веские слова. Вас же попрошу на вече не горячиться. Криком избы не срубишь. Крикунов и без нас будет предостаточно. Высказывайтесь степенно и твердо. И что бы на вече ни случилось, будьте непоколебимы.

* * *

На другое утро на Торговой стороне звонко и всполошенно загремело вечевое било, подвешенное на двух деревянных столбах.

С обеих сторон Новгорода, побросав самые неотложные дела, побежали к помосту горожане: посадник, бояре, тысяцкий, кончанские старосты, купцы, соцкие и десяцкие, ремесленники, мелкие церковные служители, за коими вышел и епископ Иоаким.

Бежали со всех концов: Неревского, Людина (Гончарского), Славенского – и со всех улиц.

Знатные люди могли приехать к помосту и на конях, но того не делали, ведая, что на вече и без того не протолкнуться. В нередких кровавых драках, когда люди были разъярены, могли убить не только человека, но и лошадь. Лишь одному князю дозволено было прибыть на вече верхом на коне, но бояре его шли вслед за ним пешком.

Сознавая, что в его жизни наступает переломный час, кой либо укрепит власть князя в Новгороде, либо вышибет его из седла, Ярослав долгие ночные часы простоял в Крестовой палате дворца, рьяно молясь и Спасителю, и Богородице, и триединой Троице, и святым чудотворцам. Он истово, как никто из русских князей, верил в Бога и с чистым сердцем полагал, что именно Бог придает ему силы и всячески помогает во всех его деяниях.

Без искренней веры в Христа, думал Ярослав, невозможно приступать к любому благому намерению, и он не только неизменно перечитывал Библию, но и ревностно соблюдал посты: Великий, Петров, Успенский, Рождественский, и однодневные, в среду и пятницу, в течение всего года, а также в Крещенский сочельник, в день Усекновения главы Иоанна Крестителя, в день Воздвижения Креста Господня.

Исключение составляли сплошные седмицы – мытаря и фарисея, Сырная неделя (Масленица), Прощеное воскресенье, Пасхальная неделя, Троицкая, Святки.

Никогда не забывал Ярослав Владимирович причащаться и исповедоваться. После исповеди лицо его становилось просветленным, душа – ублаготворенной.

Близкие люди князя ведали, что его вера не была показной, он никогда не стремился подчеркнуть своё боголюбие, и всем казалось, что Ярослав большую часть времени проводит не в молитвах, а в неустанных мирских делах. Вот и ныне он решился на такую дерзкую новину, на кою не удосужились прежние новгородские князья.

Ярослав ехал на знаменитое Новгородское вече, коего еще не существовало даже в Киеве. В Новгороде же вече избирало князей, заключало с ним ряд-договор, решало вопросы управления, суда, войны и мира.

Князь подписал ряд в первую же неделю своего пребывания в городе. Сим договором новгородцы оформляли защиту своих сословных прав. Ярослав в знак нерушимости своего слова целовал крест на «грамоте новгородской».

Прочитав грамоту прежде ее подписания, он был крайне раздосадован, но лезть на рожон с Господином Великим Новгородом не возжелал: дело может принять опасный оборот, в коем победы ему не снискать. Надо приручать новгородцев постепенно и шаг за шагом, подсекая новгородские вольности, укреплять свою власть. Иного выбора нет.

В Новгороде на вече люди собираются по своему ряду и стоят не зряшной толпой, а по улицам. Между собой улиц нельзя путать, а своим улицам следует расставляться по городским концам. Каждой улице стоять за своим уличанским старшиной под общим старшиной каждого городского конца.

Каждый, услыхав зов, тянется на вече в чем был. Одежду люди носят по достатку и по работе. На вече же у всех новгородцев равное место. Так навечно положено по древнему закону, так пошло со старого города Славенска. Один за всех обязан стоять всей своей силой и досто-

янием, и за него все так же стоят… Нет голоса купленным рабам и закупу, который продался за долг, пока он не отработается. А вольные люди все равны…

Вскоре Ярослав очутился на Вечевой площади. Меченоша Славутка привязал коня обочь помоста и тут же остался, с любопытством наблюдая за шумными новгородцами. С недоуменных уст простолюдинов слетали одни и те же слова:

– Чего приключилось?

– Аль войной кто прет?

Осмотрительные старосты ремесленных слобод пока помалкивали: они не донесли до мастеров разговор с князем Ярославом: мастеровые – народ увертливый, всякое может статься.

– Посадник, чего рта не открываешь?..

Но посадник Константин лишь разводил руками. Он, как член Совета господ, некогда избранный вечем, сидел на лаве помоста вкупе с именитыми боярами и тысяцким.

Молчание посадника еще больше подогревало интерес новгородцев. Отродясь не было, дабы глава города не ведал, отчего загремел вечевой сполох. Гам все больше усиливался.

Ярослав неторопко взошел на помост, снял шапку, отороченную собольим мехом, в пояс поклонился Святой Софии, а затем всему люду новгородскому.

Вече примолкло, а князь глянул на людское море, и сердце его дрогнуло. От веча веяло такой бешеной силищей, что Ярославу на какое-то время стало не по себе.

А вече нетерпеливо взревело:

– Говори, князь!

И князь, придя в себя, заговорил:

– Я горячо приветствую тебя, Господин Великий Новгород! Впервые мне приходится выступать с такого знатного места. Прошу выслушать меня, господа честные новгородцы, и рассудить. Не буду ходить вдоль да около, а молвлю прямо. Великий киевский князь собирает с Новгорода три тысячи гривен серебра. Ежегодно сорок пудов! Ни один город Руси столь не платит. Не слишком ли тяжкое бремя несет на себе Господин Великий Новгород?

– Тяжкое, князь! – первыми закричали мастеровые и старосты слобод.

– Ремесло хиреет!

– На торги нечего вынести! Едва концы с концами сводим!

Долго гомонил ремесленный люд. Богатеи же пока помалкивали, ожидая дальнейших княжеских слов.

– По голосам вашим чую: бремя тяжкое. А посему я прошу согласия веча – отказать киевскому князю в дани.

Немедля резво вскочил с лавки посадник Константин.

– Худые слова сказал князь Ярослав! Многие годы мы платим князю Владимиру дань и будем платить! Будем! Иначе Киев на нас войной пойдет. Не желаем проливать кровь!

– Не желаем! – вторил посаднику Совет господ.

И тут загомонили боярские доброхоты:

– У князя Владимира великое войско!

– Всю Русь на нас соберет!

– Костьми ляжем!

– Гнать Ярослава!..

Тогда закипел и ремесленный люд:

– Не позволим!

– Ярослав дело говорит!

– Стоять за Ярослава!..

Вече раскололось.

Бояре Ярослава жаждали поддержать своего господина, но «степенных» речей не получилось: поднялся такой несусветный гомон, кой, казалось, уже никому на свете не остановить.

Дело дошло до драк. Уличане Славенского конца схватились с уличанами зажиточного Неревского, в коем проживал посадник.

Князь, сохраняя выдержку, продолжал стоять на помосте.

Набежал свежий упругий ветер, взлохматил на голове Ярослава густые русые волосы, вскинул голубое корзно за плечи.

Один из боярских доброхотов, всему Новгороду известный богатырь Вахоня с Неревского конца, вскочил на помост и с дерзкой руганью обрушился на князя.

– Долой Ярослава! Прочь из Новгорода!..

Едва с кулаками на князя не полез.

Пришлось вмешаться Могуте. Он, на голову ниже местного богатыря, обхватил Вахоню за поясницу, оторвал от дощатого настила и играючи перекинул через помост.

Вече вначале ахнуло, а затем неудержимо расхохоталось.

– Ай да княжой боярин!

– Экого силача выбросил!

Смех на некоторое время растопил людскую свару, но вскоре она вновь забушевала, пока на помост не вошел купец Мефодий, уважаемый новгородцами торговый человек.

Он вскинул руки и, дождавшись, когда вече утихомирится, произнес:

– Знать, у некоторых людей умишка не хватает. Аль князь Ярослав не целовал грамоту? Аль не он за вольный Новгород неустанно печется и помышляет дать ремесленным мастерам льготу? Надо всем миром стоять за Ярослава!

– Стоять! – дружно закричали ремесленники и мелкие торговые люди.

– Стоять! – дружно отозвалось купечество.

Посадник Константин, тысяцкий и кончанские старосты норовили переломить настрой веча, но их потуги не увенчались успехом. Совет Господ «переорали», переорали впервые за последние годы.

Мефодий в другой раз вскинул руки и обратился к Ярославу:

– А скажи-ка нам, князь, начнется ли по осени полюдье?

– Непременно, Мефодий Аверьяныч. Но дань я буду собирать с подвластных мне городов и земель не для Киева, а для Новгорода.

– А делить как будешь? – выкрикнул один из ремесленников.

– Треть – на войско. Без него, сами ведаете, Новгороду не стоять. А две трети – на возведение обветшалой крепости, на постройку храмов и монастырей, на поддержку мастеров, кои славно трудятся, но перебиваются с корки на квас. Купцам же ладий недостает, а торговлю надо еще больше расширять. Гривны надобны как воздух, и коль вы меня поддержите, буду Новгороду верным содругом.

– А войны-то не избыть, – подначил Ярослава посадник.

– Лгать не привык. Не избыть! Но Новгород не тот город, коего можно шапками закидать. Киевский князь десятки раз подумает, прежде чем с Новгородом войну зачинать, и коль все же двинет на нас дружину, то, мыслю, за новгородские вольности и нам предстоит крепкое войско выставить.

– Не желаем войны! – опять закричали бояре из Совета господ.

– Хотим в покое сидеть!

Но голоса знати не долго слышались с помоста: вече не захотело слушать бояр. Многие новгородцы стали поглядывать на молчаливого епископа. Порой его слово было решающим.

– Тебе слово, владыка!

– Говори!

Владыка, облаченный в серебряные ризы, поднялся со святительского кресла и, опираясь на кипарисовый посох, пошел по настилу помоста, крытому малиновым сукном, к выходу. Остановился у самых сходней и немногословно изрек:

– Внимайте, дети мои, Ярославу. Сей князь, как досточтимый христианин, будет преданно служить Новгороду и Святой Софии. Я благословляю князя на богоугодные деяния. Аминь!

Глава 9
Княжья охота

Вернувшись к обеду в терем, Ярослав позвал к себе дворского и приказал:

– Завтра спозаранку надумал я на охоту съездить. Упреди ловчих и выжлятников[19], Могута.

– На сколь дён припасов брать, князь?

– На охоте пробуду дня три. Припасов же – самую малость. Надеюсь вепря выследить.

Для охоты Ярослав выбрал самую удачную пору: смерды давно уже завершили сенокос и управились с жатвой. Ни луга, ни нивы не попадут под конские копыта.

Собрались у красного крыльца в доранье.

Ярослав был одет в коричневую кожаную куртку, отороченную по вороту бобровым мехом, такого же цвета кожаные порты, заправленные в желтые сапоги из юфти; на голове – лисья шапка с зеленым верхом. В одежде в дни охоты ничего не должно быть броского и яркого: лесные звери не только исключительно чутки, но и необычайно зорки. Охотники их могут отпугнуть своим приметным видом.

Ярослав придирчиво осмотрел ловчих и выжлятников, и приказал одному из них сменить меховую шапку с малиновым околышем.

– Прости, князь. Обмишулился, я мигом!

– Догонишь. Ждать не будем.

Не оставил Ярослав без дотошного внимания и коней. Обычно дорогую сбрую, позвякивающую на добрую версту, охотники поменяли на простую, «мужичью». Хоть тут-то главный ловчий, отвечающий за снаряжение охотников, не проявил смятения, а то досталось бы ему еще за один оплох. Даже позолоченные и посеребренные седельные луки пришлось обвязать зелеными тряпицами.

За оружие князь не беспокоился. У каждого к перепояске пристегнут меч и кинжал, каждый – с копьем, тугим луком и колчаном, набитым стрелами.

– С Богом, други!

Охотники, выехав из ворот крепости, подались к лесу. Ярославу невольно вспомнилась охота на медведя в Ростовском княжестве. Знатный был поединок! Первый навык зело помог единоборству с медведицей мятежного племени.

Ярослав нередко поминал сей поединок в Медвежьем углу. Недавно даже во сне привиделся. Он один оказался в диком неприютном лесу. И вдруг из мрачных трущоб на него со страшным рыком двинулась огромная медведица. Он был без оружия, и его ждала неминучая погибель. И вдруг небо разверзлось и он явственно увидел Спасителя, услышал спокойный глас Его: «Осени зверя крестным знамением». Он осенил, и… зверь исчез, как будто его и не было. А затем он очутился на солнечной опушке и увидел впереди себя какой-то неведомый город. И на том сон его оборвался.

«Да то ж *Рубленый город»,* – подумал он.

Ярославль! Новый град на высоком красивейшем крутояре. Как там боярин Бренко наместничает? Господи, так бы ныне и оказался в Рубленом городе. Обнял бы всех своих бывших дружинников, посидел бы с ними в гриднице, осушил чару за их здравие, а затем непременно бы вышел на край обрыва и полюбовался бы величавой Волгой. И до чего ж раздольная река! Куда уж там до нее Днепру и Волхову. Такой величественной реки во всей Руси не уви-

[19] В ы ж л я т н и к – псарь.

дишь. И с каким благолепием будет возвышаться над ней град Ярослав! Но работы впереди еще через край. Сколь дивных храмов и теремов надо возвести!

Когда уезжал в Новгород, наказывал:

– Никакой казны на храмы не жалей, Бренко, и украшай их безмерно, дабы были красоты несказанной. В чудные храмы и язычники к Христу потянутся. Не все же им закоптелым истуканам поклоняться. Уж ты порадей, боярин. Сотвори так, дабы Ярославль своими искусными храмами Новгород превзошел…[20]

– Пора, княже, с коней слезать, – прервал раздумья Ярослава Могута.

Князь остановил коня. Теперь всё будут решать выжлятники с обученными псами, коим надо выйти на след тура или вепря. Случалось, звери сбивались в стадо и уходили в наиболее кормовые места, уходили за много верст, по только известным им тропам, а потому выжлятники и разделились на пары, направив собак за длинные ременные поводки в разные стороны.

Князь должен стоять и прислушиваться до тех пор, пока до него не донесется лай гончих. Значит, собаки вышли на зверя и устремились за ним в погоню. Тут уж не зевай! Натянув шапку на самые брови, торопи коня и не обращай внимания на всевозможные валежины, высокие муравьиные преграды-обиталища и колючие ветки.

Конные выжлятники могут настичь зверя и убить его копьями, но каждый из них ведал, что князь сам любит сразить разъяренного кабана или оленя, а поелику и старались псари учинить гоньбу на Ярослава.

Князь лез напродир. Его охватил всепоглощающий азарт, и он, низко пригнувшись к луке, всё лез и лез через заросли. Он чувствовал, как по щеке струится в короткую курчавую бородку кровь, но Ярослав и не подумал смахнуть ее кожаной рукавицей. Им завладела лишь одна неотвязная мысль: «Встретиться со зверем, непременно встретиться!»

Заросли слегка поредели, и князя вынесло на обширную лядину[21], где он и увидел крупного вепря, на коего яростно лаяла собака, побаиваясь наскакивать на зверя.

Выжлятник не показывался. Гончая, видимо, вырвалась из его руки, либо непролазная чащоба заставила охотника отпустить от себя пса, иначе бы вепря было ему не достичь. Он мог понадеяться на лай собаки, коя привлечет внимание ловчего или самого князя.

Дикий, разъяренный кабан страшно рычал, обнажая беспощадные, убийственные клыки. Стоит дрогнуть, промедлить, а тем более промахнуться, и эти жестокие клыки до костей разорвут ногу охотника, скинут его с коня наземь и загрызут насмерть.

Ярослав упруго выпрямился между передней и задней луками, цепко ухватился за ратовище[22] копья с острым стальным наконечником, зорко прицелился (на что отводился лишь какой-то миг) и с силой метнул копье в щетинистую бочину вепря.

Попал! У кабана хватило еще сил добежать до коня, зло разрушавшего копытами мшистую землю, и тут вепрь, издав предсмертный рык, рухнул.

Ярослав неторопливо спустился с коня и ступил к поверженному зверю, в коего, не прекращая свирепо лаять, вцепилась собака. Вепрь умирал с оскаленными зубами, глаза его начали стекленеть, мохнатые уши обвисли.

Князь вытянул из вепря копье, победно вскинул его над головой и громко воскликнул:

– Ко мне, други!

Это была не первая удачная охота Ярослава, коей он всегда радовался, как мальчишка.

Быстрее всех подле князя оказались Могута и Заботка. Первый, оглядев лядину и не увидев ловчих и выжлятников, довольно молвил:

---

[20] Позднее Ярославль по количеству церквей действительно превзойдет Господин Великий Новгород.

[21] Л я д и н а – сорный лес.

[22] Р а т о в и щ е – деревянная часть копья.

– Однако, князь. С блестящим полем[23] тебя. Вот то поединок!

– Метко копье кинул, Ярослав Владимирыч. Чуть бы оплошал – и беды не миновать. Горазд же ты, князь, – сказал своё похвальное слово и Заботка.

Ловчие и выжлятники появились не вдруг. Ахали, удивлялись и чествовали князя. А тот повелел:

– Обед близится. Вепря освежевать – и на вертел.

Пока выжлятники возились с кабаном, разводили костер и подвешивали многопудовую тушу на вертел, ловчие готовили место для пиршества.

Неподалеку от костра накидали грудки соснового лапника (по числу бражников), набросали на них мягкого мху, достали из переметных сум баклаги с медом, рогами и оловянными кубками и с шутками да прибаутками стали выжидать, пока выжлятники не разрежут поджаренную полть мяса на розовые сочные куски. Казалось, нет вкусней трапезы, когда она свершается в лесу у костра, после удачной охоты.

И вскоре началось пиршество! Первый рог, наполненный крепким ставленым медом, всегда поднимали за князя, второй – за успешное поле, третий – за благополучный исход в следующей охоте, а потом издревле установленный порядок ломался и каждый говорил то, что ему захочется.

Первый рог (отделанный серебром) Ярослав осушал всегда до дна, остальные лишь пригублял: не хотел оказаться пьяным, когда делаешься развязным, болтливым, а то и того хуже – вдребезги напившимся до одури.

А вот богатырь Могута мог и бадью до донышка выпить и не свалиться с ног, но того он никогда не делал, памятуя слова Ярослава:

– Коль душа запросит, пей, но разума не теряй. Ныне ты у всех на виду.

Но веселее молодого боярина никого не было. Чуть охмелев, он всегда первым зачинал какую-нибудь разудалую песню, а то и пускался в лихой пляс, да еще поддразнивал:

– А ну, есть ли среди добрых молодцев настоящие плясуны? Кто меня перепляшет, того своим мечом награжу. (У Могуты в тереме хранилось несколько богатырских мечей.)

Охотники ведали: не шутит Могута, но переплясать его так никто и не смог.

[23] Здесь в значении «с блестящей охотой».

Глава 10
Счастье Силуяна

Изба Силуяна добротная, не хуже, чем у других именитых купцов. Во дворе, обнесенном островерхим тыном, и конюшня, и хлев для скотины, и амбары для товаров, и медуши, и погреба-ледники, и колодезь с журавлем, и баня-мыленка. Весь двор вымощен дубовыми плахами. В самую разгрязь ноги не выпачкаешь.

Довольна житьем Настена, довольны сыновья, Егорка и Томилка. Подросли за последнее время, в плечах раздались. Счастливые! Вот уже другой месяц они дружинникам не прислуживают, не носят за ними оружие, не водят запасных коней.

Ярослав, приглядевшись к сыновьям Силуяна, приказал Могуте:

– Пора отроков в гридни принимать. Собирай младшую дружину.

Принимали Егорку и Томилку в воины по древнему обычаю. Молодшая дружина, встав в полукруг, в полном ратном облачении воссела на боевых коней, а Ярослав и княжьи мужи, опираясь на рукояти обнаженных мечей, сидели на креслах. Перед ними в напряженном ожидании застыли молодцеватые отроки.

На торжество был приглашен и Силуян. Для него тоже принесли кресло, и он, одетый в богатый кафтан, отороченный собольим мехом, любовался ладными сынами.

«Что злато? Вот она – самая щедрая княжеская награда», – подумалось ему.

На шее Силуяна – золотая гривна – непременный атрибут купца. Носить гривну имел право не каждый торговый человек, а лишь тот, кто, разбогатев, был принят в гостиную или суконную сотню.

Диковинные это были гривны. Чего только на них не изображалось! То Змий Горыныч, то падрус, а то и неприкрытая женщина с шикарными волосами до пят.

Княжеский конюший в белоснежном кафтане, застегнутом на серебряные пуговицы, подвел отрокам в поводу двух белых стройных коней, обряженных драгоценной сбруей и роскошными седлами с серебряными луками. (Парадные кони предназначались только для обряда.)

По медно-красной, загорелой щеке Силуяна скользнула слеза. Господи, какая отрада! Лица сыновей сияют, глаза блестят. А вот и доспехи несут из княжеской оружейной кладовой. Каждого облачают в кольчугу, водружают на голову шлем, подают меч, копье, щит и боевой топор.

Князь подходит.

Новоиспеченные воины, придерживая обеими руками обнаженные мечи, опускаются на колени.

Ярослав острием своего меча касается шлема, живота и плеч (совершает крестное знамение), а затем, как смычком, проводит мечом по мечу новобранца, словно передает тому свое ратное мастерство.

– А теперь встаньте, воины, и садитесь на коней.

Счастливый Силуян смахнул со щеки другую слезу. Какими же удальцами смотрятся его сыновья!

А те, поцеловав мечи, произносят торжественные слова:

– Клянусь Господом и оружием, что буду верно служить князю и своему славному Отечеству!

Вбив мечи в нарядные сафьяновые ножны, Егорка и Томилка, трогают поводья и делают круг почета по княжескому двору.

Дружина восклицает:

– Служить во славу! Служить во славу!

А затем Ярослав, княжьи мужи и вся молодшая дружина идут в гридницу, дабы новобранцам «усы медами обмочить».

Не забыт и Силуян. Ярослав усадил его среди княжьих мужей.

Вернулся купец в свою избу разутешенный. Теперь и помирать не страшно. В избе полный достаток, сыновья стали княжескими дружинниками. Чего еще надо?..

Внуков, внуков, Силуян Егорыч!

И тут напала на купца стародавняя кручина. Весь свой век он промышлял торговлей, в знатные купцы выбился, немалым добром обзавелся, а передать дело своих рук некому. У сынов, как ни уговаривал, не лежала к торговле душа, о воинской славе грезили. Ныне в добрых молодцев вымахали, пора им и жен подыскать. А чего? Дело доброе. Внуки появятся, глядишь, кто-то из них и по торговой части пойдет. Так что рано тебе помирать, Силуян Егорыч. Жить да жить надо!

Глава 11
Подготовка к войне

Великий князь Владимир Святославич, изведав, что Ярослав склонил Новгородское вече к отказу дани стольному граду, был настолько разгневан, что, ни дня не медля, приказал воеводе Вышате готовить войско для выступления на ослушника.

– Кличь и дровосеков. Пусть поправляют дороги и наводят мосты. И дабы борзо! Я хочу раздавить Ярослава, как клопа!

Великий князь проговорил эти слова с яростным запалом, но задыхаясь. В последние недели он стал крепко недужить. Лекари, таясь бояр, между собой сокрушенно толковали:

– Плох стал наш великий князь. Грудная жаба его гложет.

Все чаще Владимир Святославич хотел видеть близ себя своего любимого сына Бориса, кой вновь, по вызову отца, прибыл в стольный град из Ростова Великого.

Борис, как и многие из сыновей Владимира, в свои юношеские годы вымахал в рослого отрока и уже обладал мужской силой, показывая свою удаль в ратных игрищах, но нравом слыл чересчур мягким и покладистым. Он нежно любил отца, а тот отвечал ему взаимностью.

– Один ты меня понимаешь, Борис. Правда, и брат твой Глеб, что сидит в Муроме, мне по нраву. Он, как и ты, надежной опорой мне будет. А вот Ярослав, – продолжал Владимир Святославич, – как кость в горле. На родного отца руку поднял. Честолюбец!

– Да ты так не переживай, тятенька, – старался успокоить отца Борис. – Недужен ты. Всё уладится. Ярослав вгорячах так поступил. Он одумается.

– Худо ты ведаешь Ярослава. Этот книжник мне еще из Ростова даней не высылал. Сижуде за лесами и болотами, до Киева не добраться. Несколько лет хитрил, а ныне и вовсе от отца отшатнулся. Изничтожу, негодника!

К хворому и раздраженному отцу всё чаще стала заходить дочь Предслава. Была она среднего роста, вся светлая и ясная, в голубом, вышитом серебром сарафане; на голове – легкий изящный венец, а за спиной – длинная роскошная русая коса ниже пояса.

Хороша была Предслава, недаром польский король Болеслав на нее зарился, но Владимир Святославич решительно отказал ляху, помышляя выдать дочь за более дружественного чужеземного правителя.

Нежна и ласкова была Предслава. Вот и сейчас она поцеловала в щеку отца и молвила:

– Я напишу брату письмо, тятенька. Он же у нас разумный.

– Чересчур разумный. Быть войне!

* * *

Вовсю готовился к предстоящему сражению и Ярослав, но на душе его было сумрачно. Ни на врага он собирает войско, а на родного отца, коего когда-то он так возненавидел, что перестал поминать его имя. С годами ненависть его поулеглась, но жестокий поступок великого князя он никогда не запамятует. Уж слишком глубокую душевную рану нанес ему родитель! До смерти будут жить в его сердце Березиня и сын Святослав.

Отец как бы для него раздвоился. В одном Ярослав видел великого блудника, «Соломона в женолюбии», в другом – умного, порой жестокого правителя и воина, способного цепко держать в руках великую державу.

При Владимире Русь основательно окрепла. Византийская империя и Европа считали за честь породниться с великим русским князем. Киевская Русь богата, обширна и едина, она

не страдает междоусобицами, укрепляется с каждым годом, прирастая всё новыми землями и городами.

И вдруг стало известно, что Владимир Креститель собирает на сына свое мощное войско и уже расчищает дороги и мостит мосты к Новгороду.

Ярослав еще надеялся, что отец не пойдет на него войной из-за дани. Но упование рухнуло.

Дело оказалось не только в дани. Завещав Борису престол, великий князь надумал убрать с дороги младшего сына не только Святополка, но и Ярослава, решив показать, именно *показать* всем княжествам, что ни одно из них не смеет выходить из-под его властной руки. Никто не должен оспорить завещание государя Русской державы.

Правда, за старших сыновей был обычай, однако же закона о престолонаследии не существовало.

Владимир Святославич сам землю собирал, и слово его могло явиться законом.

Но так ли уж справедлив его закон, поставленный с головы на ноги? Вовсе не справедлив. Старшие братья, в угоду младшему, вышвырнуты за борт. Стародавний обычай напрочь отвергнут. Но такая внезапная ломка не истечет безболезненно. Он, Ярослав, не одобрит грубейшую оплошку отца и дань ему не повезет.

Новгороду, хотя бы временно, необходимо оставить дань для себя. Город под боком у западных и северных стран, кои отлично ведают о значении для Руси Новгорода и давно вынашивают планы нанести ему ощутимый урон. Город же не выдержит мощной осады. Старый дубовый Детинец его не спасет. Новгород надо обнести водяным рвом и земляным валом, на коем соорудить сильную крепость, и лучше всего из камня. На это понадобятся огромные деньги.

Да и торговля, и ремесленный люд зело в деньгах нуждаются. Вот и получается, Владимир Святославич, что не видать тебе дани годика три-четыре. Поймешь ли ты неотложные нужды Новгорода, кои будут направлены на укрепление Руси?..

Надо родителю письмо отписать и немедля снарядить гонца в Киев.

Всю ночь Ярослав просидел за пергаментом, а затем позвал к себе Могуту и поведал ему о содержании письма.

– Немедля отправляйся в Киев с грамотой, Могута Лукьяныч. Хотелось бы верить, что великий князь остановит войско. Поспеши. Тебя он в поруб не кинет. Ты ведь когда-то изрядно помог Владимиру, одолев богатыря печенегов. Поспеши и постарайся убедить великого князя.

– Сделаю всё, что в моих силах, княже.

А тем временем Новгород, согласно решению веча, собирал войско. Но тут случилась беда, коя едва не погубила все задумки Ярослава. И виной тому стали предводители варягов – Эймунд и Рагнар.

Глава 12
Козни посадника и кровавое побоище

Посадник Константин так был раздосадован результатами веча, что с горя напился. Три дня пил хмельные меды, выходил во двор, буянил, стегал плеткой холопов, кричал, что плохо баламутили народ. Даже вольным людям крепко досталось. Наорал на тысяцкого, сотников и всех своих доброхотов, да так, что едва и по ним плеть не прошлась.

– Охолонь, Константин Добрынич! – с трудом осадил посадника тысяцкий Гостомысл. – Мы к тебе не затем пришли, дабы на пьяного посадника глядеть, а чтобы совет с тобой держать.

Угомонился Константин. Тысяцкого он зело ценил и всегда считался с его суждениями. Тот был степенен и здрав умом. Почитал Гостомысла и народ новгородский.

– А позвал я вас, господа честные, – протрезвев, начал свою речь посадник, – затем, дабы помыслить, как от войны с Киевом уйти. Сказывал и ныне скажу: не нужна нам драка с великим князем.

– Вопреки вечу? – вскинул крылатые, колосистые брови Гостомысл.

– Вопреки! Перехитрил нас Ярослав. Чернь ныне готова на руках князя носить, да и купцы, как сами видели, на его сторону переметнулись. Купцы! В кои-то веки было, чтоб они супротив Совета господ пошли. Заманил их Ярослав в ловушку.

– Никакой ловушки я не вижу. Князь Ярослав втянул их в торговую братчину, коя даст купцам и Новгороду немалую пользу. Разумом Ярослава Бог не обделил.

– Да ты что, тысяцкий? Куда ты клонишь? С какой стати тебе князя восхвалить? Вот уж не ожидал, – сердито покрутил головой посадник.

– Что Бог Ярославу дал, того не отнимешь. А вот насчет войны надо подумать. Мыслю, ни князю, ни Новгороду она не надобна.

Долго ломали головы, в конце концов остановились на суждении посадника:

– Ярослав уповает не только на новгородское войско, но и на варягов. Ничего не скажешь: воины отменные, в каких перепалках только не были. Не зря себя лучшими меченосцами кличут. Надо вбить клин между Ярославом и викингами. Сии люди наглые, ведут себя охально. Как мог сдерживал их, ныне же отпущу вожжи. Пусть варяги и вовсе возмутят народ, да так крепко, что новгородцы не стерпят разбоев и перебьют незваных гостей. Вот тут-то Ярослав и призадумается, как без викингов войну начинать. Да и сами новгородцы, наглядевшись на заморских друзей Ярослава, не пойдут в его войско.

– Ловко придумал, Константин Добрынич, – поддержали посадника его доброхоты.

Один лишь Гостомысл уходил из хором Константина с озабоченным лицом: не слишком понравилась ему речь посадника. Варяги и без того распоясались. И во что выльется затея Константина, одному Богу известно.

* * *

Ярослав ступил к оконцам, коими любовались все новгородцы. Обрамлены полосным оловом, а заморские стекла, словно драгоценные каменья, так и сверкают на солнце диковинным разноцветьем: то янтарным, то зеленым, то малиновым…

Князь распахнул одно из оконец и увидел Торговую площадь. Подле храма Иоанна Предтечи толпились купцы. «Иванова братчина!» Совсем недавно Ярослав в подкрепление своих слов составил для братчины особое «Рукописание», или «Уставную грамоту», в коей оговаривались для купцов торговые «мерила», льготы и привилегии.

В Новгороде для измерения тканей стал применяться «еваньский локоть» – узкая деревянная пластинка, шириной в полвершка.

Особо разнились такие меры веса и длины, как пуд медовый, гривенка рублевая для взвешивания серебра, меры вощаные и уже выше упомянутый локоть.

Наблюдение за взвешиванием товаров возлагалось на «добрых» людей из Иванова братства, кои должны были «вывесить по правому слову». Им причиталась специальная пошлина. За искажение торговых мерил на весчего налагалась большая *пеня,* коя делилась на три части: одна шла на храм Святой Софии, вторая – церкви Святого Иоанна Предтечи, третья – Новгороду.

Храм Иоанна[24] имел и чисто светское значение – был хранителем мер и весов, за точность коих по статье «о мерилах градских» должен отвечать сам владыка, поелику часть пошлин шла и ему.

Иваново братство, кое уже насчитывало свыше ста человек, брало за вступление пятьдесят гривен серебра. Деньги громадные! Но богатые купцы, кои и за малую толику не расщедрятся, на братчину серебра не жалели. Ведали: и полгода не минует, как калита окупится льготой. (Эк, чего угораздило придумать князю Ярославу!)

Братство заимело свой общинный праздник – 11 сентября. В этот день из общей казны тратили на устройство пира 25 гривен серебра, зажигали в храме Иоанна Предтечи 70 свечей и приглашали служить в церкви самого владыку, кой получал за это гривну серебра и доброе сукно.

По предложению князя братство учредило при храме совет из трех старост, причем один из них был из «черных» людей.

– «Рукописание» дает вам, господа честные купцы, самоуправление и суд по торговым делам.

– И без посадника можем обойтись?

– Никакого посадника! Все решает братчина. Что же касается торговых пошлин с воска и других товаров, кои поступают в Новгород со всей Руси, как я и обещал, все они пойдут в пользу общины, или гильдии. Ведомо вам такое слово?

– Наслышаны, – отозвался Мефодий. – У свеев[25] так рекут.

– И не только у свеев, а во всей Западной Европе. Гильдия – объединение купцов и ремесленников, защищавшее интересы своих членов. Вот так и у вас отныне станет. Ремесленник и торговый человек – оселок, на коем Русь держится. Без этих людей да еще без оратаев любое княжество рухнет.

– Воистину, князь. Если бы все правители так понимали. Вышеслав, бывало, одну охоту ведал. Ни с умельцами, ни с купцами не общался. Всеми делами посадник управлял. Ныне, чуем, другая пора наступила. Всё бы ладно, но одна забота нас тяготит. Уж слишком варяги обнаглели, начали купцов задирать, – произнес Мефодий.

Не первый раз слышит Ярослав худые слова о викингах. Надо бы их урезонить, но сейчас не приспело время. Рыцари отменно вооружены и представляют большую силу. В войне с великим князем, коль она всё-таки приключится, варяги значительно укрепят его войско. Надо пока потерпеть их озорство.

Но Ярослав, делая немалую ставку на иноземных воинов, пожалуй, впервые в своей жизни столь опрометчиво отнесся к «озорству» наемников.

---

[24] Церковь Иоанна Предтечи сгорела во время пожара 1132 г. Сгорело и «Рукописание», составленное князем Ярославом. Однако в 1135 г., при князе Всеволоде, потомке Ярослава Мудрого, храм был восстановлен и составлено новое «Рукописание».

[25] С в е и – шведы.

12 августа 1015 года князь решил побывать в своем подгородном имении, селе Ракове, но ладейных дел мастера пригласили князя оглядеть новые корабли, изготовленные умельцами на «киевскую дань», не отосланную после зимнего полюдья (как это полагалось) в стольный град.

Ярослав охотно согласился, но на берегу Волхова осматривать ладьи не захотел.

– Ветер поднимается. Быть разгульной волне, вот и пройдемся по Ильменю. Намерен два дня на озере пробыть, тогда все огрехи станут видны.

– Сомневаешься, князь? На совесть ладили. Ведаем – оным кораблям по морям ходить.

– Верю, мастера, не подвели. Не первый корабль на воду спускаете.

На ладью Ярослав прихватил и своих ростовских бояр: Могуту, Озарку и Заботку. На таком большом озере они никогда еще не бывали. Пусть привыкают.

Ярослав помышлял заиметь в Новгороде большой флот. Город стоит на крупнейшем водном пути, и без десятков ратных и торговых кораблей ему не обойтись. Пора большими караванами и за Варяжское море ходить, дабы Европу постигать.

Весть о том, что князь два дня будет бороздить Ильмень, разнеслась по всему городу. Посадник Константин повеселел, как будто сундук золота нашел. Позвал в свои обширные хоромы викингов и заявил:

– Ведаю, доблестные рыцари, что князь Ярослав вас жалует, вот и я надумал к себе на угощенье пригласить. У меньшого сына моего первый зубок прорезался. Не ведаю, как у вас, свеев, но на Руси первый зубок всегда медами и винами отмечают. Не угодно ли почтить сына моего, славные рыцари?

«Славных рыцарей» и просить не надо. Кто ж откажется погулять на даровщинку? Они за тем из-за моря и прибыли, чтобы в Русских землях всегда с сытым желудком ходить и гривнами кошели набивать.

Посадник не поскаредничал: хмельных медов и вин – море заливное. А уж про яства и сказывать не приходится.

Весело погуляли викинги! В крепком подпитии разъехались по Новгороду. И началась тут буча!

Колбяги[26] и варяги, вооруженные мечами, копьями и треугольными щитами, стали угрожать новгородцам своим оружием, «хватать чужих коней, угонять на свои дворы чужую челядь, выдирать усы и бороды, рубить руки и ноги, убивать, насилие делати мужатым женам».

Новгород возмутился и августовской ночью изрубил многих варягов на Парамоновом дворище, что в Славенском конце. Известнейший двор Новгорода! Добрых пятьдесят лет Парамон торговал с немцами, готами и свеями. Несказанно разбогател. Его усадьба, обнесенная дубовым тыном, вмещала в себя десятки дворовых строений и соперничала лишь с двором посадника Константина.

Два года назад Парамон преставился, оставив сказочное богатство сыну Воропану. Но тот перестал за море ходить и ударился в гульбу. Хитрые варяги вошли к Воропану в доверие и стали его частыми гостями.

В злополучную ночь десятки викингов оказались на Парамоновом дворе. Неспроста оказались. Сами едва на ногах стояли, и Воропан в стельку упился. Викинги отнесли хозяина в ложеницу, а сами занялись излюбленным делом, благо было чем поживиться. Тут-то и напали на варягов новгородцы.

Разгневанные горожане не только лишили живота десятки варягов, но и разрушили гостиные дворы, в коих жили иноземные купцы.

Гости обосновались в Новгороде добротно. За заостренным в два бревна частоколом поставили теплые избы для жилья и клети для хранения товаров, покрыв срубы тесовыми кровлями.

---

[26] К о л б я г и – жители Прибалтики.

Гостиные дворы ставились на правом берегу Волхова, близ вымолов и пристаней, выходя воротами к Торговой площади.

Еще лет пятнадцать – двадцать назад неподалеку от Славенского холма появился целый иноземный городок, напичканный Готландским, Варяжским, Свейским, Немецким гостиными дворами. Обнесенный крепким дубовым острогом, городок напоминал небольшую крепостицу, прозванную в народе Варяжским дворищем, ибо варяги первыми поставили свой торговый двор.

К приезду Ярослава в Новгород иноземный купеческий городок настолько стал тесен, что гости пожаловали к князю.

– Дозволь, Ярослав Владимирович, нам новые гостиные дворы поставить.

Ярослав, как известно, купцам завсегда рад: и пошлина немалая в казну идет, и торговые связи крепнут.

– Место приглядели?

– Вблизи вымолов.

Гости «приглядели» самое удачное место. И пристани рядом, и торговые ряды под боком.

– Но там же кузни ремесленников.

– Всё в твоей воле, князь. Можно их и передвинуть, а мы за ценой не постоим.

Но Ярослава слова купцов не удовлетворили. Новгородцы и без того на Варяжское дворище косо смотрят. Самое выгодное место варяги отхватили. Князь Вышеслав проморгал. Он не больно-то в торговые дела вникал, да и не хотел вникать. Гораздо вникал посадник Константин. Он своей выгоды нигде не упустит. Сунули ему заморские гости мзду – и в тот же день топоры на Волхове застучали.

Новгородцы опомнились, да поздно: старосты концов и улиц в крепкой руке посадника, им тоже от варяжских купцов изрядно перепало. Одни кузнецы пошумели, но сторонников посадника на вече не перекричали.

И вот теперь иноземные купцы надумали испытать нового князя.

– Сожалею, господа честные купцы, но трогать кузнецов и другой мастеровой люд, что разместились в городе по Волхову, не дозволю.

Но купцы, уже ведая пристрастие Ярослава к торговым людям, не отступались:

– И всего-то десяток кузниц передвинуть. Волхов всех примет. Без новых же гостиных дворов Хольмгарду[27] большие убытки нести.

Купцы били по больному месту. Ярослав, как никто из русских князей, гостей боготворил, ради них он на всё пойдет.

– И кузнецы внакладе не останутся. Денег столь отвалим, что им и за три года не заработать. Чернь будет довольна.

Купцы перестарались. Последние слова покоробили Ярослава.

– Чернь? Таким словом на Руси подневольных людей и холопов называют. Ремесленник – не холоп, а свободный человек. И кузня, и изба, и земляной надел, кои навсегда закреплены за мастером, в полной его собственности. И никакой князь мастеровому человеку не указ. Так что вновь повторю: ни кузнецов, ни других ремесленников трогать не намерен.

Гости сникли. Убытками Ярослава не напугать, ведает: никуда-то купцам не деться. Новгород – не тот город, который можно и стороной обойти. Не обойдешь! Все северные и западные торговые пути в Новгород сходятся. Но как быть? Не за крепостными же стенами гостиные дворы ставить.

– А вот как, господа честные купцы. Бывал я на вашем дворище. Не спорю, тесновато, избы и клети впритык. Но коль пораскинуть мозгами, дворы ваши можно и удвоить.

Гости недоуменными глазами уставились на князя.

---

[27] Хольмгард – так называли Новгород немцы и скандинавы, что означало «высокий, неприступный город».

– Как удвоить? Сам же сказывал: впритык.

– Да очень просто, господа честные купцы. Разбирайте кровли и возводите срубы в три яруса. Верх – под жилье, а два нижних – под товары. И лесом, и плотниками помогу.

Купцы оживились. Как сами не додумались? Вот уж действительно: не ищи мудрости, ищи простоты. Да и лес Ярослав посулил. Новгородский же лес немалых денег стоит. Новгородцы сплавляют его по десяти рекам: Ловати, Полымети, Мшаге, Шелони… Древесина плотами перегонялась через Ильмень к истоку Волхова, где несколько предприимчивых артелей держали большие лесные склады, кои тянулись по берегам Волховского истока на несколько верст.

Сюда на торги приплывали княжеские и боярские тиуны, купцы и ремесленники. Кто запасался дровами, кто – деловым лесом для возведения изб, клетей, хором и всевозможных построек, кто – сухим, выдержанным под навесами лесом для различных поделок. Особую выделку и особую цену имел корабельный лес.

Плотников же в Новгороде – не занимать. Не прошло и года, как поднялись над варяжским частоколом трехъярусные гостиные дворы.

Купцы поставили себе особую церковь («божницу Варяжскую»). Ярослав от имени новгородцев заключил договор с немцами и готландцами[28]. Немецкие купцы разделялись на две гильдии – морскую и сухопутную. Как те, так и другие делились еще на зимних и летних. Зимние приезжали осенью, по последнему пути, и зимовали в Новгороде. Весной они отъезжали за море, и на смену им приплывали летние купцы.

* * *

Месть новгородцев была страшной. Натерпелась унижений и зла русская душа. А коль она взорвется – удержу нет. Крушит и ломит всё, что под горячую руку попадет. Угодило под нее и Варяжское дворище. Красного петуха не пустили (огонь может переметнуться и пожрать весь город), но торговые клети подчистую опустошили.

Сторожа, застигнутые врасплох, норовили остановить ожесточенную толпу, но их перелобанили дубинами – и сторожа пали.

Обрели смерть и два купца. Один – из свеев, другой – из земли немецкой.

Ярослав вернулся в Новгород на другой день после побоища. К нему тотчас явился ярл, властитель Дротнингхольм-фиарда, Рагнар, второй предводитель (после Эймунда) варяжского войска. Он был взбешен:

– Треть моих воинов перебита новгородцами. Мы не хотим больше служить новгородскому князю. Через день я заберу своих викингов к морю, но прежде мне нужно предать погребальному костру павших.

Тяжело было в этот час Ярославу. Он мог бы возразить ярлу: «Варяги наняты князем и Господином Великим Новгородом на три года. Золотые и серебряные гривны заплачены. Викинги поклялись своим богом Вотаном и оружием, что будут верно служить Новгородской земле весь урочный срок».

Но спорить с ярлом бесплодно: викингов Рагнара, привыкших разбойничать без страха за свои жизни, уже не остановить.

– Поступай, как знаешь, Рагнар. Мой боярин укажет, где захоронить твоих воинов.

Викингов хоронили по варяжскому обряду, в пяти верстах от Новгорода, на одном из холмов Ильменя, на котором были сложены огромным костром сосновые, еловые и березовые деревья, очищенные от сучьев.

---

[28] Жители острова Готланд в Балтийском (Варяжском) море, принадлежавшего Швеции.

Убитых доставляли на носилках, покрытых черными покрывалами. За носилками следовали Эймунд и Рагнар, а уже за ними воинским строем, «кабаньей головой», – викинги. Все – в полном ратном облачении: в шлемах с узкими прорезями для глаз и рта, кольчугах, с овальными щитами, копьями и мечами. Поверх доспехов развевались на говорливом ветру длинные черные плащи, отороченные мехами.

Встречь похоронной процессии изредка попадались подводы огнищан. Мужики, завидев закованных в железо викингов, поспешно уступали дорогу.

Варяги! Наплывают, будто черные зловещие тучи. Пронеси, отведи от беды, боги!

Варяг для северного огнищанина, что печенег для южного оратая. Он грозен и жесток, его меч и копье не щадят ни седого старца, ни дитя малое. Сколь раз уже бывало, когда викинги нападали на беззащитные селения, уничтожая всех и вся, забирая годами нажитое добро и сжигая жилища.

Злые, надменные варяги… Сейчас они, бряцая тяжелой броней, идут молча, идут на свою тризну. Позади «кабаньей головы» тянутся со связанными руками понурые, полуголые рабы. Варяги подталкивают их острыми наконечниками копий. Рабы стонут, вскрикивают, по их телам струится кровь. Их восемь человек – по два на каждую сторону погребального костра.

Тела викингов уложили на деревья. Их много, очень много! Получилось четыре кольца из мертвецов. Их восковые лица с открытыми глазами обращены к небу, к великому богу Вотану.

Эймунд снял с головы двурогий шлем и сбросил с себя черный плащ. Его стальная броня состояла из двух частей. Одна, украшенная золотой и серебряной насечкой, закрывала грудь, другая – спину.

Эймунд кивнул Рагнару, и тот подошел к нему. Он должен подойти, ибо Эймунд – предводитель всей варяжской дружины, знатный конунг[29], в котором течет кровь скандинавских королей.

– Твое войско, Рагнар, потеряло многих славных викингов, моих – меньше, а значит, тебе выпала честь достойно наградить бесстрашных потомков Вотана. Начинай, ярл!

Рагнар также снял шлем. Его рука в железной чешуйчатой перчатке потянулась к мечу.

Дружина замерла, дожидаясь действий ярла. А тот пошел вокруг погребального холма. Павшие викинги, казалось, сопровождали вождя своими остекленевшими глазами.

Рагнар подошел к первой паре расставленных рабов и вытянул из драгоценных ножен меч. Варяжский меч! Он короче русского, зато тяжелей и шире.

Глаза ярла при виде рабов стали жестокими. Нет, рабы не виноваты в гибели викингов. Павшие жаждут мести, они должны услышать беспощадные слова, увидеть казнь «убийц».

– Славные дети Вотана! Прежде чем уйти к богу, вы насытитесь кровью коварных людей Хольмгарда и услышите их отчаянные вопли. Радуйтесь, дети Вотана!

Казнь «коварных людей» была жуткой. Душераздирающие крики огласили притихшие воды Ильменя. Вначале острие меча вонзилось в правый глаз раба, затем – в левый. Невольник корчился по земле, а немилосердный меч отсекал ступни ног и кисти рук, и чем безумнее кричал «хольмгардец», тем все больше ожесточались холодные сердца викингов. Они не испытывали жалости, ибо с детства их приучали к кровавым войнам, грабежам и насилиям, что они и успешно делали в приморских землях Британии, Франции, Италии, Сицилии, Сардинии, Испании, Северной Африки, Сирии, выполняя заветы отца богов Вотана.

Рагнар ступил к следующему невольнику, а к обезображенному телу подбежали викинги и принялись рассекать его на куски.

Павшие дети Вотана будут довольны. Они отомщены и теперь могут спокойно переселиться на небо.

---

[29] К о н у н г – военный вождь у скандинавских народов.

Окровавленные останки рабов были брошены к ногам мертвых героев. Вскоре запылал гигантский костер и обратил героев в пепел.

Викинги расселись вокруг погребального костра, пили из баклажек терпкое красное вино и слагали сагу о своих бывших соратниках. К вечеру, когда потускнели угли и пепел остыл, варяги набросали на прах воинов высокий курган…

Глава 13
Смертный грех

Угодил Ярослав меж двух огней. Правда была на стороне новгородцев. Одним махом остановили бесчинства варягов. Не привык Господин Великий Новгород сносить обиды, вот и обрушился на заморских наймитов. Воинственно обрушился, оголтело: новгородский люд самый буйный, пойдет крушить – никакая преграда не удержит.

Переусердствовали. Под дубину попали не только викинги, но и два гостя. Среди заморских купцов – переполох и небывалое смятение. Гостиные дворы разграблены. Стоном исходят гости.

– Ни в одном граде такого разбоя не видели. Лиходей-град! Нищими стали. Так оскудели, что не на что домой возвратиться. Ноги больше не будет в Новгороде!

Тяжело Ярославу выслушивать такие речи. И от кого? От гостей, коих он, Ярослав, всеми силами приглашает торговать в стольный град Северной Руси, и не только приглашает, но и потворствует, дает немалые льготы. Недаром вся Европа ринулась в богатый Новгород.

Ныне же ограбленные купцы засобирались домой. Новгороду будет нанесен ощутимый удар. Во всех странах заговорят о новгородском погроме. И не только заговорят, но кое-где и расправятся с новгородскими купцами. Издревле существовал негласный договор: гости были как бы заложниками за торговых людей Новгорода, кои забирались в чужие земли.

Убиты свейский и немецкий гости. Та же участь теперь ждет в Скандинавии и Германии новгородских купцов. Господи! А ведь к немцам только вчера отъехал Силуян Егорыч. Добрый содруг. Император Генрих, изведав о гибели своего соотечественника, прикажет казнить Силуяна.

Ярослав тотчас позвал Могуту.

– Спешно снаряди за Силуяном бывалого вершника. Пусть мчит одвуконь, и чтоб без купца не возвращался.

– С купцом прибудет, князь, – спокойным голосом молвил боярин. – Силуян торопко не ездит, не так уж он и далече.

Могута удалился, а князь вновь углубился в думы. Конечно, он, Ярослав, постарается найти виновных и каким-то образом возместить убытки купцов, но славу гостеприимного торгового города не вдруг вернешь… Не вернешь и дружину Рагнара. Его викинги уже снаряжают корабли. Уйдут с Новгородской земли в поисках более безопасного места. Конунг Эймунд остался, но уход викингов Рагнара скажется на силе новгородского войска.

Теперь новгородцев и наймиты, и купцы опасаются, и сие недоверие к городу надо истреблять. Жестоко истреблять, иначе не будет больше веры ни княжескому слову, ни Господину Великому Новгороду. Как никогда сурово наказать зачинщиков погрома. Через смертную казнь.

На душу Ярослава словно многопудовая гиря навалилась. Он должен принять жестокое решение. Гости и варяги воспрянут духом, новгородцы же озлобятся. Могут и в вечевой колокол ударить да так шумнуть, что князю покажут от ворот поворот. И никакая дружина не поможет. Народу всё под силу, тем он и держится.

Но что же делать, милостивый Господи?!

Ярослав удалился в Крестовую палату и встал на колени перед поклонным крестом и киотом. Послышались его мольбы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.